

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Конституционное и административное право»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Правовое обеспечение государственного управления и местного самоуправления

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему Судебное толкование нормативных правовых актов в Российской Федерации:
конституционно-правовой аспект

Обучающийся

А.В. Гунаръ

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

к.ю.н. В.В. Романова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Судебное толкование нормативных правовых актов как правовая категория	7
1.1 Развитие теоретических взглядов на роль судебных органов в процессе осуществления толкования нормативных актов	7
1.2 Методы судебного толкования права и практика их применения.....	17
Глава 2 Конституционно-правовые особенности судебного толкования нормативных правовых актов в контексте разделения властей	29
2.1 Соотношение судебного толкования с деятельностью законодательных и исполнительных органов власти.....	29
2.2 Толкование нормативных правовых актов судами общей юрисдикции и арбитражными судами	39
2.3 Толкование нормативных правовых актов, осуществляемое в конституционном судопроизводстве	49
Глава 3 Конституционно-правовые пределы и ограничения судебного толкования нормативных правовых актов	58
3.1 Конституционализация судебной практики: проблема конфликта судебных инстанций и пределы конституционного толкования	58
3.2 Роль судебного толкования в современной правовой системе РФ.....	70
Заключение	77
Список используемой литературы и используемых источников.....	82

Введение

Актуальность проведения комплексного исследования института судебного толкования нормативно-правовых актов обуславливается рядом обстоятельств.

В-первую очередь, нельзя не отметить выделяющуюся в последние несколько лет тенденцию к повышению роли судебной власти в российской правовой системе. Это особенно видно на примере проводимых реформ, центральным звеном которых является именно развитие судебной системы во всех ее направлениях. Упразднение Высшего Арбитражного Суда, упразднение конституционных (уставных) судов субъектов РФ, создание обособленной системы апелляционных и кассационных судов в системе судов общей юрисдикции, принятие КАС РФ, широкомасштабные изменения, внесенные в ФКЗ №1 «О Конституционном Суде РФ» – является лишь малой частью тех преобразований, которые коснулись судебную систему РФ в последнее десятилетие.

Однако, несмотря на активные процессы модернизации, происходящие в этой сфере, множество вопросов практического и теоретического характера так и остались за пределами реформ, и до сих пор составляют основу научных дискуссий.

В частности, одним из таких вопросов является конституционализация судебной практики; допустимость внедрения судебного прецедента в российскую правоприменительную действительность; юридическая сила актов ординарного судебного толкования; их соотношение с актами аутентичного толкования правотворческих органов, и многое другое. Очевидно, что ответы на все эти вопросы невозможно дать без проведения комплексного исследования интерпретационной деятельности судов.

Во-вторых, обращает на себя внимание и высокая степень практической значимости темы исследования, еще более актуализирующая ее. В частности, для эффективного осуществления правосудия, отвечающего принципам

законности, справедливости и обоснованности, необходимо, чтобы правоприменитель четко понимал волю законодателя, выраженную в той или иной норме. Однако на практике не всегда удается сразу установить адекватное понимание смысла юридической нормы, по разным причинам: в силу ненадлежащего уровня юридической техники ее изложения, в силу наличия в ней пробелов или коллизий, или вовсе, в отсутствии подлежащей применению к данным правоотношениям нормы. В таких ситуациях именно институт толкования позволяет решить возникшую проблему, при этом, порождая целый ряд других, более глубоких проблем, как то: границы интерпретационного поля, критерии истинности толкования, степень допустимости творческого подхода при толковании и т.д.

Все вышесказанное и придает особую актуальность изучению проблем, так или иначе связанных с судебным толкованием нормативно-правовых актов.

Степень научной разработанности. Несмотря на достаточно обширный научный интерес к тематике судебного толкования, наблюдается объективная нехватка доктринального освещения конституционно-правового аспекта темы, так как большинство исследователей предпочитают концентрироваться на проблематике судебного прецедента и казуального судебного толкования, ограничиваясь ими. Однако анализ имеющейся научно-правовой базы все же позволяет выделить некоторые фундаментальные работы в этом направлении, в частности, к ним можно отнести труды таких авторов, как: А.В. Гермашева, О.В. Попов, В.Е. Годик, Н.С. Малютин, С.А. Перчаткина, А.Л. Питерская, О.А. Савельева, А.Л. Скрыбина, Н.Е. Таева и др.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся между различными субъектами и судами, в ходе осуществления интерпретационной деятельности последними.

Предметом исследования является совокупность нормативно-правового, научного и эмпирического материала, который, так или иначе, затрагивает вопросы судебного толкования нормативно-правовых актов.

Цель исследования – выявление и анализ конституционно-правовых характеристик судебного толкования нормативно-правовых актов, а также предложение научно-обоснованных путей решения выявленных в ходе исследования проблем.

Для достижения поставленной цели необходимо последовательно решить ряд задач:

– охарактеризовать развитие теоретических взглядов на роль судебных органов в процессе осуществления толкования нормативных актов;

– обозначить методы судебного толкования права и практику их применения;

– исследовать соотношение судебного толкования с деятельностью законодательных и исполнительных органов власти;

– проанализировать процесс толкования нормативных правовых актов судами общей юрисдикции и арбитражными судами;

– выявить особенности толкования нормативных правовых актов, осуществляемого в конституционном судопроизводстве;

– изучить тенденции конституционализации судебной практик, через призму проблемы конфликта судебных инстанций и пределов конституционного толкования;

– определить роль судебного толкования в современной правовой системе РФ.

Теоретическую основу исследования составили как классические труды российских правоведов, так и современные авторские исследования представителей научного сообщества РФ и зарубежных авторов, в частности: С.В. Бошно, А.Ю. Бушев, Е.В. Васьковский, Н.В. Витрук, Н.Н. Вопленко, П.А. Гук, В.Д. Зорькин, Р.Е. Карасев, О.Е. Кутафин, А.В. Малько, Н.С. Малютин, Г.С. Працко, К. Binding, W. Blackstone, H. Steinthal, Hofmann, R.R. Kelso, F. Mueller и др.

Нормативно-правовую основу исследования составляет: Конституция РФ, ФКЗ «О Конституционном суде РФ», ФКЗ «О судах общей юрисдикции в РФ», иные многочисленные законодательные акты, имеющие как самостоятельное

юридическое значение, так и вносящие изменения в действующее законодательство.

Эмпирическая основа исследования представлена материалами Конституционного Суда РФ, в форме Постановлений и Определений, Постановлениями Пленума Верховного Суда РФ и действующими Постановлениями Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, а также отдельными материалами Европейского Суда по правам человека.

Методология исследования представлена совокупностью общенаучных и частнонаучных методов познания: анализ, синтез, дедукция, сравнение, типология, обобщение, классификация, формально-юридический, технико-юридический, историко-правовой, метод юридической компаративистики.

Структура работы обусловлена целью и задачами, и состоит из введения, трех глав, объединяющих семь параграфов, заключения, и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Судебное толкование нормативных правовых актов как правовая категория

1.1 Развитие теоретических взглядов на роль судебных органов в процессе осуществления толкования нормативных актов

В первую очередь, прежде чем приступать к обзору теоретических концепций и представлений относительно роли судебных органов в процессе толкования нормативных актов, имеет смысл кратко обозначить содержательные границы более общего понятия, имеющего прямую корреляцию с рассматриваемой нами темой, а именно, толкование права, которое, поскольку в конечном итоге всегда приобретает нормативное закрепление, постольку предопределяет специфику судебного толкования в том числе. В этом вопросе мы полностью солидарны с мнением М.В. Сальникова, правомерно утверждающего, что «толкование права – необходимый и важный элемент правореализационного процесса, в частности правоприменения» [108]. Более того, научное сообщество уже накопило достаточно аргументации для того, что использовать результаты имеющихся исследований по вопросам толкования права применительно, в том числе, к теме исследования.

Акцент же роль толкования в именно правоприменении мы делаем не случайно. Действительно, нельзя недооценивать правовой эффект результатов толкования и за рамками правоприменения, например, в процессе правотворчества, пропаганды права, и т.д. Однако учитывая специфику направленности темы нашего исследования, хотелось бы подчеркнуть, что основной его задачей является анализ именно той части толкования, которая находит свою реализацию в правоприменении, как основной функции судебных органов. Разумеется, нельзя не затронуть и специфику толкования права с позиции правотворчества, так как это тоже является частью, звеном судебного толкования, однако, не определяющим его специфику, а потому, имеющим лишь опосредованное значение для нашего исследования.

Несмотря на, казалось бы, фундаментальность такого понятия как «толкование права», по большей части, в научной доктрине до настоящего времени так и не сложилось единого теоретического осмысления указанной категории права, и в различные исторические периоды наблюдалось и наблюдается разнообразие научных представлений и мнений относительно формулировки и содержательного наполнения понятия «толкование права».

В этом вопросе мы солидарны с позицией Н.С. Малютина о том, что вызвано это, по большей части тем фактом, что «в разные периоды, когда перед учеными ставилась задача сформировать подход к понятию толкования права, их мнения могли трансформироваться с учетом принадлежности правоведов к той или иной школе правопонимания, а также это могло напрямую зависеть от признаваемого в конкретную историческую эпоху взаимоотношения между судебной и законодательной властью» [42].

Также школа правопонимания зависит не только от общего понимания толкования закона, но и от возможных средств его толкования.

Например, А.В. Смирнов четко указывает на зависимость доминирующей школы правоприменения от выбора динамического или статического способа толкования права.

В частности, сторонники статического толкования определили его как «процесс выявления единственно возможного смысла нормы, предопределенного неизменной в течение времени волей законодателя» [109], а интерпретаторы динамического толкования описывают процесс как «обусловленный изменчивостью реального содержания и смысла правовой нормы с течением времени, ибо само право способно изменяться некоторое время даже в рамках старых юридических форм» [109].

Кроме того, хотелось бы отметить, что напрямую влияло на формирование общих представлений о толковании права также и концепция понимания самого права, которой придерживался тот или иной автор: позитивно-нормативистской, естественно-правовой или социологической.

Кратко обозначим сущность каждого из данных подходов, и как именно они повлияли на представления о толковании права соответственно.

Так, позитивно-нормативистская концепция понимания права предполагает, что государственная воля всегда выражается посредством императивно определенного набора словесных символов, в форме нормы закона или иного акта (нормативного правового). Соответственно, поскольку в такой концепции на законодателя возлагается задача создавать такие непротиворечивые, однозначно понимаемые нормы права, которые обеспечивали бы логическое, единообразное понимание, толкование права, в такой системе координат, имеет инструментальное значение, иными словами, требуется только в процессе правоприменения для уточнения определенных нормативных положений [14].

При естественно-правовом подходе к праву, признающему, что не все создаваемые государством нормы априори безупречны, допускается возможность пробелов, коллизий, иных дефектов права, нуждающихся в дополнительном толковании. Тем самым, естественно-правовой подход не только допускает, но и поощряет развитие системы толкования права как способа преодолеть существующие правовые противоречия и нестыковки.

При этом помимо ограничительного, распространительного или расширительного толкования, авторы-приверженцы указанной концепции допускают также и динамическое (например, коррекционное) толкование, то есть такое, которое выходит за рамки текстуального правила содержания нормы, поскольку в их представлении «буква закона» и «дух закона» не всегда едины, и могут даже отличаться друг от друга [104].

Однако справедливо сказать, что при всей широте взглядов, такой подход к толкованию права видится нам не лишенным своих недостатков.

В частности, цель уяснения действительного содержания нормы неизбежно будет сталкиваться с бесконечным многообразием вариацией ее интерпретации, а с учетом современных реалий, в которых почти в каждом государстве судебный процесс носит состязательный характер, это усугубляется

и возможностью злоупотребления со стороны заинтересованных сторон, каждая из которых будет пытаться интерпретировать (токовать) норму в свою пользу, а, следовательно, достижение объективности и истинности будет существенным образом затруднено.

Последнюю, социологическую концепцию понимания права можно считать еще более гибкой, поскольку она зиждется на идее о том, что право есть «система правоотношений, в которых выражены и согласованы многочисленные и разнообразные интересы членов общества» [127], а не буква закона (язык позитивного права) и тем более, не дух закона (неимперативные общие рассуждения о правах и правовых принципах). Однако именно при таком подходе можно отметить, что толкованию права придается решающая роль, оно выступает гарантом соблюдения прав, и суд, при такой ситуации, превращается едва ли не в единственный механизм объективизации субъективных представлений.

У данной концепции также нельзя не обратить внимание на один существенный минус: она не дает никакой правовой определенности, не позволяет объективно оценить те или иные критерии, дающие основания говорить о каком-то явлении (правоотношении, норме) как о правовом или неправовом.

При этом еще раз отметим, несмотря на то, что концепции правопонимания накладывают свой отпечаток на формирование общего подхода к сущности толкования права, тем не менее, они не предопределяют его. Скорее, происходит адаптация имевшего место в определенной исторической эпохе правового регулирования к тем общественным отношениям, которые эту эпоху опосредуют, за счет чего и меняется представление о толковании права как об инструменте буквального разъяснения нормы или как об интерпретации лишь оценочных норм общих принципов права.

Оценивая историю правоприменительной практике по толкованию права, нельзя не отметить, что вплоть до XX века идея толкования права полностью

отрицалась, в целом это была международно-правовая тенденция, и Россия не была исключением.

Можно сказать, что в обществе XIX века была сформирована концепция точного исполнения закона, то есть исполнения, соответствующего буквальному смыслу нормы закона, не допускающему «произвола» (интерпретации, толкования). Однако, как отмечает А.П. Озерских, ситуация кардинально начала меняться с начала второй половины XIX века, в период, когда стала формироваться новая концепция правосудия в целом [53].

Именно в этот временной период можно наблюдать, как в трудах отечественных правоведов стали появляться теории толкования права. Вместе с тем, в данном ключе уместно упомянуть еще об одном факторе, также влияющем на понимание толкования права в этой связи – теория разделения властей, а именно, взаимосвязи судебной и законодательной властей.

Так, например, П.И. Люблинский писал, что на заре идеи о допустимости толкования права, в основе правовой мысли лежала идея о том, что «... судьи не могут быть уполномочены на истолкование закона, в велениях которого воплотилась общенародная воля; в случае встречных затруднений они лишь могут обращаться за разъяснениями к законодателю» [39].

Эта позиция отечественного исследователя полностью согласуется с классической доктриной разделения властей, разработанной Ш.Л. Монтескье, который писал на эту тему следующее: «Решения суда – суть, в сущности, лишь точный текст закона. Если бы в них заключалось частное мнение судьи, то в обществе могли бы возникнуть обязанности, на которые народ не давал своего согласия... Судьи нации служат только устами, произносящими слова закона, неодушевленными существами, которые не могут умерить ни силу, ни строгость закона» [141].

Аналогичным образом К. Беккариа обосновал роль суда в толковании права и закона, заявив, что: «Судьям не может принадлежать право толковать уголовные законы исключительно в силу того, что они не являются законодателями. Нет ничего опаснее банальной истины, предписывающей

руководствоваться духом закона, что является иллюзорной преградой на пути потока мнений» [5].

Соответственно, можно сказать, что, изначально допуская идею толкования права, тем не менее, правоведы не допускали исполнение такой функции судом, тем самым, не воспринимая возможности судебного толкования, они ограничивали толкование права исключительно буквальными толкованием. Следовательно, согласно такой концепции, при возникновении правоприменительной проблемы, суду надлежало обращаться к законодателю, за получением аутентичного толкования.

Разумеется, очевидно, что такая концепция не могла служить целям толкования права вечно. Она имела место быть ровно столько, сколько законодательная власть в тесном контакте с судебной могла оперативно откликаться на просьбы последней о толковании.

Однако укрепление положений представительного строя, введение сложных парламентских процедур – существенно затормозили развитие такого подхода к толкованию права, что по-прежнему осложнялось ситуацией несовершенства законодательной техники, его пробельности, а значит, и объективной необходимости толкования.

На смену пришла концепция учета «духа закона» при его толковании судами. Тем самым, суду фактически было дозволено выходить за рамки буквального содержания интерпретируемой нормы. Однако, единства научных мнений на счет целесообразности и обоснованности такой концепции также не сложилось.

Например, В. Блэкстон упоминал следующее: «Наиболее действительный способ раскрытия истинного смысла закона, когда слова являются сомнительными, состоит в рассмотрении его разума или духа, иными словами, причины, которые побудили законодателя издать его» [131].

С данной позицией был не согласен К. Биндинг, заявляя следующее: «С моментом опубликования закона, с моментом категорического заявления о том, что является законом, а, следовательно, и правом – в один миг исчезает

весь фундамент намерений и желаний духовного творца закона, а также самого законодателя: в дальнейшем весь закон покоится только на себе самом, держится своей силой и тяжестью, исполнен только своим собственным смыслом...» [130].

Мы также поддерживаем мнение К. Биндинга о том, что закон как императивный регулятор общественных отношений есть объективно выраженная воля законодателя, которая не должна зависеть от субъективной специфики процесса его принятия. Иначе, при смене законодательной власти, легитимность всех старых законов утрачивала бы свою силу, так как воля нового законодателя в ней учтена не была. Более того, не актуально говорить о законе в таком ключе и потому, что ни один законодатель не может предвидеть тех изменений, которые повлечет за собой та или иная принятая норма. Отметим также, что важность установления объективной воли законодателя неоднократно упоминалась Конституционным судом Российской Федерации в его постановлениях (№ 12-П от 20.07.1999 [80], № 11-П от 05.07.2001 [65], № 8-П от 23.04.2004 [85] и т.д.).

Более или менее структурировалась и оформилась идея той эпохи о способах толкования права в работе Ф.К. Савиньи [148], который попытался унифицировать само понятие толкования, просто разделив его на несколько видов, которые имели свои специфические (в основном, характерные тому или иному историческому периоду) черты. Так, автор выделял толкование грамматическое (характерное, например, для ранее изложенных идей Ш. Монтескье) и систематическое (что более выражено в идеях В. Блэкстона, основанных на содержании, духе закона).

Однако и такое деление толкования права нашло своих противников: некоторые авторы писали о том, что нельзя разграничить толкование на грамматическое или систематическое, поскольку ни одно из них не является таковым полностью, грамматическое нельзя назвать грамматическим, так как при толковании исследуется не только сам текст, но и воля законодателя; а систематическое толкование не является по своей сути системным, поскольку

основывается на презумпциях отсутствия пробелов и рассогласованности в праве, что, конечно же, на практике, не оправдывает себя [2].

О том, что данное нами утверждение действительно представляет значительную практическую трудность, говорится, например, в постановлении КС РФ № 18-П, в котором следует, что: «... Отсутствие специальной правовой регламентации порядка продажи такого оружия, при том что оно допущено в гражданский оборот нормативными правовыми актами, регламентирующими не только сохранение культурного наследия, но и оборот оружия, приводит к необходимости выбора в конкретной правоприменительной ситуации между общими нормами различной отраслевой природы, одни из которых не учитывают возможную опасность этого оружия для жизни и здоровья людей, а другие – его культурную (историческую) значимость...» [75].

Полагаем, что наличие именно таких, порой противоречивых друг другу мнений, относительно сущности толкования права, и стало тем катализатором, который позволил развивать учение о толковании права, и в том числе, говорить о роли судебных органов в этом процессе.

Например, в период научной активности О. Эрлиха, О.Ф. Гирке и их современников, общество активно старалось ограничивать монополию законодателя на законотворчество, что неизбежно приводило к идеям о возрастании роли судов в процессе толкования права.

Однако зачастую, такие идеи были излишне радикальны, высказываясь за то, что суд должен реализовывать свой правотворческий потенциал вместе, а лучше, вместо законодателя. Разумеется, такой подход, хотя и был крайне прогрессивным, не отменял того факта, что субъективизм судей, при осуществлении ими правоприменительной деятельности, мог стать существенной проблемой. В этой связи, постепенно стало складываться множество различных подходов к пониманию толкования права как правовой категории, с позиции его правоприменительной и правотворческой роли.

Например, следуя определению П.Е. Небдайло, под толкованием следует понимать «... составной элемент правоприменительной деятельности, имеющий

своей целью установление предметной значимости правовой нормы, то есть истолкование ее в качестве юридического основания для разрешения конкретных случаев общественной жизни» [51].

Судебное правотворчество не было разрешено в толковании И.В. Михайловского, который отметил, что: «задача толкования юридической нормы заключается в раскрытии социальной цели закона, смысла нормы, насколько он выразился в ее тексте, что полностью исключает судебское правотворчество» [50].

Другая группа авторов сочла судебное толкование неизбежным и действительно полезным, Р. Салейль писал: «... толкование это своеобразный инструмент восполнения законодательных пробелов интерпретатором (правоприменителем), и лучшая интерпретация законов есть такая, которая лучше всего приспособливает их к социальным потребностям настоящего момента. ...Судья должен уметь приспособить каждый закон к существующим социальным потребностям» [107].

Рассмотрение самой категории «толкования» представляет не только процесс осознания интерпретатором смысла толкуемого текста, но и трансформации уясненного текста в воспринимаемый формат, то есть ретрансляцию понятого, можно предположить, что данный интеллектуальный процесс подвержен многим субъективным факторам, начиная от психоэмоциональных характеристик субъекта толкования и оканчивая уровнем его правовой культуры и принадлежностью к конкретной юридической школе.

Это приводит к тому, что из одной и той же нормы права в толковании можно извлечь несколько смыслов, которые иногда отличаются друг от друга.

Однако для судебного толкования, по понятным причинам, такое не допустимо, поскольку множественность смыслов не соотносится с целью суда – разрешить конкретное дело с применением нормы, которая была им истолкована.

При этом имеется и обратная сторона медали – не всегда толкование может сводиться к раскрытию смысла конкретной нормы, иногда, в силу ограниченности возможностей закона, применительно к спорным

правоотношениям, конкретной нормы, подлежащей интерпретации может и не быть вовсе, и тогда у суда возникает проблема выбора, которую призвана решить целая система приемов, которые законодатели предусмотрели для суда. В частности, речь идет об институте судебного усмотрения; разъяснений вышестоящих судебных инстанций; конституционном контроле и т.д.

При этом справедливым вопросом задается, на наш взгляд, И.А. Минникес: «существенной проблемой остается соотношение подобного волюнтаризма со стороны суда к соблюдению принципа правовой определенности, согласно которому лицо, в отношении которого применяется (или должна применяться) та или иная норма должно с определенной долей вероятности предполагать наступление конкретных правовых последствий» [46].

По нашему мнению, толкование права имеет специфические особенности в правоприменительной практике, одной из которых, как упомянул И.А. Минникес, является однозначность результата судебного толкования.

Учитывая все вышесказанное, с учетом особенностей судебного толкования, полагаем уместным сформулировать несколько иное понятие толкованию права, как «сложному волевому процессу, заключенному в определении точного смысла нормы права, с целью обеспечить ее правоприменение к конкретным правоотношениями или обеспечить возможность такого правоприменения».

Также, в заключение данного параграфа, еще раз отметим, что в настоящее время приходится констатировать отсутствие единообразия к пониманию как процесса толкования права в целом, так и процесса судебного толкования, его роли и содержания. Обобщив все изученные подходы, которые без сомнения, являются своеобразным отражением своего времени (эпохи), можно подытожить, что, в общем и целом, наблюдается следующая тенденция определять аспекты толкования права:

- уяснение содержания нормы интерпретатором,
- разъяснение уясненного смысла заинтересованным лицам.

Первая «ступень» толкования – уяснение, составляет его основу, заключается во внутреннем осознании сущности интерпретируемого, а потому, объективно-выраженного результата иметь не может.

Но когда говорится о стадии понимания, мы говорим о грамматических, логических, исторических или систематических путях толкования.

В свою очередь, второй этап толкования – разъяснение, это продолжение ранее начатого мыслительного процесса, но в форме формализации полученного толкования в материальных источниках (применительно к плоскости судебного толкования – в форме судебного решения).

1.2 Методы судебного толкования права и практика их применения

В свете ранее обозначенной проблематики, а именно, возможности возникновения ситуаций многообразия смыслов при толковании отдельных норм права, особую актуальность приобретают вопросы возможных, допустимых и в то же время целесообразных к практическому примирению методов интерпретации, применяемых судами при толковании права.

Наиболее распространенной в научной литературе классификацией методов толкования является деление их на: буквальное, ограничительное и расширительное толкование [111]. В основу данной классификации ученые кладут с одной стороны, масштаб интерпретационной свободы толкования, а с другой стороны, сферу применения результата толкования, осуществленного тем или иным способом.

Первый вид толкования – буквальный, исходя из самого его названия, предполагает буквальное, дословное выражение нормой ее содержания, когда толкование нормы полностью соответствует изначальной задумке законодателя, которую он в нее вкладывал. Почти все без исключения авторы называют такое толкование «идеальным», наиболее предпочтительным, поскольку идеальная ситуация правоприменения такова: закон такой, как написано, и если удалось

применить истинный смысл нормы, можно сказать, что правоотношение урегулировано с надлежащей степенью достоверности.

Очень часто на практике к такому методу толкования прибегают зарубежные суды.

Например, так называемое «Дело инженера» [145], в котором ФКС ФРГ прибег к буквальному прочтению экономической деятельности, как она понимается в Конституции РФ, что фактически, перевернуло ход дела. Не редки ситуации буквального толкования судами США (например, в деле Gibbons против Ogden [137], Dred Scott против Sanford [134] и т.д.).

Имеется такая практика буквального толкования и в правоприменительной судебной деятельности Конституционного Суда РФ.

Например, обосновав конституционность положений Протокола о присоединении Российской Федерации к Соглашению об учреждении ВТО, Конституционный суд РФ прибег к буквальному толкованию [67]; или в случае проверки конституционности положений НК РФ об уплате государственного сбора за выдачу лицензии [86]. Примеров много, самое главное, что есть объективная возможность осуществить буквальное толкование, и для этого есть все предпосылки.

В частности, хотелось бы отметить, что буквальное толкование имеет ряд трудностей, несмотря на свое очевидное преимущество, и поэтому данный метод толкования не очень часто используется российскими судами.

Например, мы согласны с позицией А.К. Соболевой о том, что «основная трудность данного метода состоит в том, что «явного» значения слова в принципе не существует. В большинстве семантических учений разделяется точка зрения, что у слова всегда много значений, что конкретное значение ограничено контекстуально и синтаксически и что ни у одного слова нет ни одного из значений, которое было бы раз и навсегда определенным и стабильным. В любом случае суду предстоит решать, в каком из значений – общеупотребительном, терминологическом, контекстно-определенном – употреблено слово, и аргументировать выбор своего толкования» [110]. Таким

образом, буквальный вид толкования столь же нестабильный, как и любой другой, подвержен тем же искажениям и субъективизму не меньше, чем другие формы/виды интерпретации.

Также, чаще всего можно наблюдать ситуацию, когда предпочтение отдается иным видам толкования, например, логическому, семантическому или доктринальному, по той причине, что буквальный толкование требует получение немедленного достоверного вывода, и когда его получить невозможно, либо результаты нескольких видов толкований не совпадают между собой, выбор всегда осуществляется не в пользу буквального толкования и его результата.

Еще одной причиной тому видится не раз упомянутое в нашей работе ранее несовершенство юридической техники изложения большинства норм российского законодательства, при котором словесная оболочка прямо либо косвенно не согласуется с содержанием этой или иных смежных норм. В этом вопросе мы согласны с позицией К. Лоренца, который обоснованно приходит к выводу, что если суды начнут использовать метод буквального толкования слишком часто, результатом будет не желаемая правовая определенность, а стагнация, формализм правовых предписаний в негативном смысле этого слова [140].

Солидарны с позицией автора еще и потому, что в Российской Федерации имеется множество судебных примеров возникновения подобных ситуаций.

Например, в Определении КС РФ от 27.09.1995 № 69-О суд, при попытке отграничить оценочное мнение от недостоверной информации, отметил, что «представляет практическую сложность определение в каждом конкретном случае содержания высказанных слов методом буквального толкования» [57]. КС РФ отметил невозможность буквального толкования нормы и в Постановлении № 2-П [70], в которой необходимо толковать понятие «общее число депутатов», и суд прибег к совокупности различных методов толкования, исключая буквальное, в виду его невозможности.

Следующее за буквальным, расширительное толкование, уместно применять в ситуациях, когда смысл нормы очевидно шире, выходит за рамки

ее словесного выражения, к которым прибег законодатель в момент ее создания. Часто такая ситуация складывается, когда законодатель использует излишне узкие лингвистические приемы, слова, выражения, не отражающие сути правовой нормы.

Как пример – Постановление КС РФ № 3-П, в котором КС РФ указал, что при рассмотрении жалобы имеет смысл интерпретировать положения ФКЗ № 1 «О Конституционном Суде Российской Федерации» расширительно, принимая во внимание, что предметом рассмотрения может быть не только закон, как следует из буквального толкования нормы, а и иные акты, отвечающие определенным критериям [78].

Расширительное толкование, несмотря на кажущиеся, на первый взгляд, преимущества перед буквальным, также имеет некоторые минусы.

Так, один из минусов касается последствий применения данного метода, а дело *Olmstead et al. против United States*, в котором ВС США пытая интерпретировать четвертую поправку к Конституции (касающуюся охвата телефонных разговоров) гласит: «расширительное толкование, применяемое к Поправке для достижения ее цели в интересах свободы, не оправдывает расширения ее значения за пределы возможного практического значения слов «личность, жилище, бумаги и имущество», или расширения значения слов «обыск и аресты» до запрещения прослушивания или просматривания» [142].

В этом случае существуют также прямо противоположные ситуации, когда толкование нормы требует, также в силу ранее упомянутой скудности лексики законодателя, использовать метод, именуемый методом ограничительного толкования, уместного в ситуациях, когда законодатель употребил излишне обобщенные, абстрактные понятия, не передающие смысла нормы, который оказывается значительно уже при ближайшем рассмотрении.

В качестве практического примера приведем особое мнение судьи КС РФ Г.А. Жилина на Постановление КС РФ № 29-П, о рассмотрении частных жалоб без уведомления сторон. Так, судья в отдельном мнении отмечает, что некоторые нормы ГПК РФ в этой части не соответствуют Конституции РФ, ссылаясь

на следующее: «... буквальное толкование оспариваемых законоположений, предусматривающий лишь правило о рассмотрении частных жалоб и представлений без извещения участвующих в деле лиц, не означает введения особой разновидности апелляционного производства, не предполагающего проведения слушания, или – тем более – проведения слушания с отменой предоставленных законом субъектам судопроизводства процессуальных прав, требующих по своей природе участия в судебном заседании. Введение правила о рассмотрении какой-либо категории дел без проведения слушания требует прямого указания на него в законе и, во избежание его рассогласованности с системой действующего правового регулирования, принятия других норм, устанавливающих порядок такого производства. В то же время, судебное правоприменение, требующее обязательной проверки правозаконности применяемой нормы с учетом ее места в системе действующего правового регулирования, не должно основываться на предположениях и на толковании применяемого закона в сторону еще большего ограничения прав, что имело место в деле заявителя» [59].

Также, как мы кратко упомянули в работе ранее, это не является единственно возможной классификацией методов толкования – правовая доктрина, берущая начала из идей Ф.К. Савиньи, предлагает делить толкование также на: грамматическое, телеологическое, историческое и системное. Автор полагал, помимо прочего, что каждому из вышеназванных видов толкования соответствует свое правило, например:

- при грамматическом толковании важно исследовать словесные формы выражения нормы, используемые законодателем формулировки;

- при телеологическом толковании исследуются смыслы, вкладываемые в тот или иной законодательный источник, общие цели его принятия;

- при историческом толковании происходит исследование воли законодателя, соответствующей той или иной эпохе, принятым в государстве и обществе канонам;

– соответственно, при системном толковании значение приобретает исследование нормы права в системе с другими нормами, в их корреляции и влиянии друг на друга (своего рода, действие аналогии закона и аналогии права) [149].

Взяв данную классификацию за основу, современные авторы пытаются модернизировать ее, сократить или, напротив, расширить. Например, П.И. Люблинский рассуждает на тему допустимости, с учетом смыслов выделенных моделей толкования, упрощения представленной классификации лишь до двух видов – грамматического и логического (который включает в себя элементы телеологического и систематического толкований) [40]. По непонятным причинам, не аргументировав свою позицию, автор попросту исключил историческое толкование из своей интерпретации данной классификации.

Также дихотомично предлагает делить виды толкования Е.В. Васьковский, но использует автор при этом другую риторику, именуя способы толкования как словесное и реальное [12]. При данном подходе, рассуждает автор, предложенные Ф.К. Савиньи способы органично поглощаются, не теряя при этом основного критерия разграничения – цель толкования, которое в словесном толковании (другими словами, буквальном) рассматривается в толковании, словах, выражениях, фразах; а в реальном толковании содержание правила понимается иным образом (расширительным или ограничительным).

На наш взгляд, в этом и кроется основная проблема данной классификации фактически, автор не создает принципиально нового, а лишь «подводит» под них классические виды толкования, описанные нами ранее, используя другие лексические средства выражения, не влияющие на наполнение и содержание перечисленных методов.

Г.С. Працко предлагает посмотреть на эту классификацию с иной стороны, в частности, беря за основу также словесное и реальное толкование, автор характеризует их как этапы. В частности, автор указывает, что: «... после того, как словесное толкование выполнило свою функцию и определило словесный

смысл какой-либо нормы, наступает очередь реального толкования, имеющего целью раскрыть ее действительный, внутренний смысл. Исходной точкой для реального толкования является результат, полученный словесным толкованием. Не обращаясь больше к исследованию текста нормы, толкователь берет уже сформулированный смысл, которым определяется возможное содержание нормы, и приступает к его исследованию при помощи иных способов и методов (исторического, систематического, телеологического, психологического и т.д.)» [100].

Действительно, если проследить за ходом судебного толкования, можно отметить особую тенденцию: первоначально, суды выявляют текстуальное значение слов, используемых законодателем, а лишь затем, приходят к интерпретации содержания нормы, как бы соотнося полученные результаты между собой.

Однако, несмотря на то, что это является достаточно распространенной практикой, нельзя в то же время не отметить, что на этапе буквального, словесного толкования у судов возникают значительные трудности. Чаще всего, суды используют подход терминологического толкования, когда каждое слово берется за отдельную терминологическую единицу, содержание которой соотносится со значением, приданным ему толковым словарем, энциклопедическим научным изданием и т.д. Такое можно встретить, например, в деле *Boyd против U.S.* [132], *Planned Parenthood против Casey* [143].

Как пример подобной практики толкования российскими судами, только один пример – особое мнение Э.М. Аметистова, выраженное к Постановлению КС РФ № 2-П, по вопросу соотношения терминов «адвокат» и «защитник» [62].

Арбитражные суды и суды общей юрисдикции не пришли к единообразному мнению о возможности применять в обосновании решения терминологический подход к толкованию. Например, ВАС РФ в определении № ВАС-16583/13 [54] отказал в регистрации наименования юридическому лицу на том основании, что посчитал используемое слово «жаргонным и бранным», а при обжаловании, указал в определении № ВАС-19729/13 [55] на то, что

не принимаются ссылки на словари и энциклопедии, поскольку они не являются источниками права. Как противоположный пример, в Постановлении № С01-421/2014 [99] суд по интеллектуальным правам в своем решении сослался на значение слова, которое он установил, используя сервис «Яндекс. Словарь».

При этом если говорить о наиболее частом в обиходе судов методе толкования, то нельзя не упомянуть системное толкование, то есть определение содержания правовой нормы о месте, которое она занимает в системе отрасли права и в системе правового регулирования в целом.

Например, в одном случае Федеральный конституционный суд Федеративной Республики Германии в деле, устанавливающем конституционность положений о квотах, отмечает, что «... Основной закон ФРГ разграничивает понятия «занятие профессией» и «выбор профессии», а потому, с учетом действующего правового регулирования, «не допускает интерпретации, которая предполагает равную степень законодательного контроля над каждым из этих «аспектов» [144].

В Российской судебной практике применение системного метода также не является редкостью, что обосновывается, на наш взгляд, также и законодательными положениями, этому способствующими.

Например, ч. 2 ст. 74 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» гласит, что «Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов» [124].

Аналогичное по смыслу положение содержит и ч. 3 ст. 215 КАС РФ: «Если при рассмотрении административного дела об оспаривании нормативного правового акта суд установит, что применение на практике оспариваемого нормативного правового акта или его отдельных положений не соответствует истолкованию данного нормативного правового акта или его отдельных положений, выявленному судом с учетом места данного акта в системе

нормативных правовых актов, суд указывает на это в мотивировочной и резолютивной частях решения по административному делу об оспаривании нормативного правового акта» [31].

Помимо названных методов толкования, которые именуются также в литературе «классическими» или «традиционными», существуют и специфичные методы толкования, которые по большому счету являются формами уже перечисленных методов, своеобразными приемами их практического применения.

Так, например, пользуясь этим критерием, еще А.Ф. Черданцев предлагал выделять логическое и функциональное толкование права. В качестве логического автор предлагает понимать толкования, в которой субъект толкования использует логические методы и способы логического преобразование, выводы об обратном и по аналогии; а как функциональное толкование автор трактует различные формы разъяснений, приводящихся с учетом условий, в которых интерпретируемая норма будет исполняться, а также норм морали, правосознания, юридической идеологии и культуры [129].

Другой автор, С.В. Бошно предлагает делить толкование на: специально-юридическое и технико-юридическое. Автор именуется это даже не методами, а приемами толкования, соответственно, не придавая им самостоятельного значения, а лишь подчеркивая, что они могут реализовываться в рамках уже существующих методов толкования. При этом автор, подчеркивая эти методы толкования, подчеркивает наличие специальных юридических знаний у интерпретатора, поскольку воля законодателя часто выражается в нормах права, а не в общем словаре пользователей, но с помощью технических методов и видов правового регулирования [9] и пр.

Исходя из этого, Т.Я. Хабриева также предлагает в рамках единства специального и юридического толкования выделить и охарактеризовать конституционное толкование: «как особый вид правовой деятельности высшего судебного органа, направленный на оценку правовых актов, охрану Основного Закона, обеспечение всех форм реализации права, на предупреждение всех видов

правонарушений» [126]. Аргументами в защиту самостоятельности такой формы толкования автор называет:

- решающее значение для правоприменения;
- высшая юридическая сила, относительно иных актов правоприменения;
- обязательное соблюдение правил основного закона государства.

Не отрицая логичность рассуждений автора, хотим лишь подчеркнуть, что не совсем согласны с формулировкой, предложенной Т.Я. Хабриевой применительно к конституционному толкованию. В частности, из нее не следует однозначного понимания конституционного толкования, которое хотел вложить автор: значит ли эта формулировка, что конституционное толкование – это любое толкование конституционного текста? В таком случае, понятие сформулировано слишком ограничительно; если автор в своем толковании Конституции имел в виду, что специализированные органы конституционного контроля обладают чрезвычайными полномочиями, то это должно было быть прямо указано в самом определении, иначе, исходя из буквального смысла предложения, любой высший судебный орган вправе осуществлять конституционное толкование.

Однако сама идея выделения конституционного толкования – достаточно перспективна, и является достаточно разработанной теорией в ряде зарубежных стран. Например, эту тему активно освещает немецкая доктрина права (например, *Gamper A. Regeln der Verfassungsinterpretation* [136]; *Roellecke G. Das Paradox der Verfassungsauslegung* [146] и т.д.) и страны англо-саксонской правовой семьи (см., например, *Carr R. R. The Supreme Court and Judicial Review* [139], *Kelso R. R. Styles of Constitutional Interpretation and the Four Main Approaches to Constitutional Interpretation in American Legal History* [139] и пр.). На базе этого, в рамках европейского права даже сложился еще более узкий подвид толкования – конвенционно-конформного, «соответствующего Европейской Конвенции толкования».

Говоря о разновидностях исключительно судебного толкования, нельзя также не упомянуть о так называемом казуальном и нормативном толковании.

Казуальный толкованием, которое также называется толкованием в процессе, является толкование правила в связи с рассмотрением конкретного дела, применительно к конкретной области правоотношений, спорной проблеме.

Нормативное толкование происходит, когда необходимо раскрыть смысл нормы для всеобщего пользования, что происходит, например, при вынесении для неопределенного круга лиц разъясняющих Постановлений КС РФ или ВС РФ.

Также, в зависимости от результата толкования, оно может быть дополняющим, исправляющим, корректирующим.

Дополняющее толкование применимо судом тогда, когда отсутствует конкретная регулирующая норма – путем системного толкования происходит дополнение недостающей нормы аналогичной по содержанию и смыслу, что на самом деле придает дополнительное значение ближайшей норме, потому и называется дополняющим толкованием.

Если же норма присутствует, но в недостаточной степени раскрыта, корректна и ее истинного нормативного содержания недостаточно для урегулирования спорных правоотношений, суд прибегает к исправляющему толкованию. В качестве примера допустимости такого толкования можно привести Постановление КС РФ № 1-П, которое гласит: «... суд общей юрисдикции или арбитражный суд, на основании статьи 120 Конституции Российской Федерации самостоятельно решая вопрос о том, подлежит ли та или иная норма применению в рассматриваемом им деле, уясняет смысл нормы, т.е. осуществляет ее казуальное толкование» [88].

Если существующее нормативное положение следует «подкорректировать», то есть в ней имеется какой-либо дефект, пробел, суд использует метод коррекционного толкования. Такая необходимость может возникнуть в равной степени и когда имеется редакционная ошибка в тексте закона, и когда вопреки выраженной в законодательной норме воле законодателя регулируемые данной нормой общественные отношения устарели или претерпели существенные изменения.

При этом особо хотелось бы отметить, что не стоит путать коррекционное толкование с применением аналогии закона или аналогии права, они имеют разный механизм действия и цели.

В частности, аналогия закона и аналогия права – это способы преодоления законодательного пробела, то есть фактически норма права отсутствует при такой ситуации. Если же говорить о методе коррекционного толкования – то норма права имеется, однако, она выражена крайне неудачным образом, что ее реализация становится практически не возможной. С учетом сказанного, при применении аналогии закона или аналогии права – воля законодателя не выражена совсем, а значит суд фактически «домысливает» ее за законодателем, в то время как при коррекционном толковании у суда остается основанная задача – выявить истинную волю законодателя, облачив ее в более корректную форму, придав ей надлежащий правовой смысл.

В заключении кратко подытожим, что методика толкования права – является важнейшим инструментарием, в особенности, в судебной деятельности, перед которой стоят задачи разрешать юридические вопросы относительно любой отрасли права. При этом, в настоящее время, доктрина права не готова предложить какого-либо единого, универсального метода толкования правовой нормы, который не зависел бы ни от цели толкования, ни от субъекта толкования, ни от способа интерпретации. Следовательно, пока такого метода еще не разработано, и вряд ли это реализуемо в ближайшем будущем, мы говорим о наличии целой системы методов толкования, которые имеют свои процедурные особенности, приводят к различным результатам.

Однако, всех их объединяет до сих пор не разрешенная проблема обширности интерпретационного поля, и как итог, множественности смыслов, которые отличаются применением варианта толкования и, следовательно, обоснованием и законностью выбора метода толкования как единственно правильного, окончательного - оставлены на субъективное усмотрение самого суда.

Глава 2 Конституционно-правовые особенности судебного толкования нормативных правовых актов в контексте разделения властей

2.1 Соотношение судебного толкования с деятельностью законодательных и исполнительных органов власти

Обосновав ранее концепцию о том, что толкование нормативно-правовых актов есть неотъемлемая часть правоприменения, а также частично, и нормотворчества, вполне логично продолжить цепочку размышлений в контексте соотношения компетенций отдельных публичных ветвей власти в процессе толкования норм права. Именно оценка влияния принципа разделения властей на институт толкования нормативно-правовых актов позволит, на наш взгляд, с высокой долей очевидности выявить особенности исключительно судебного толкования, и разграничить тем самым его от толкования, осуществляемого иными органами публичной власти, имеющими такие компетенции.

Все сказанное также позволяет с полной уверенностью относить институт толкования к конституционно-значимому процессу. Как верно отмечает, на наш взгляд, И.А. Кравец: «выступая в качестве одной из функций органов государственной власти, толкование институализируется из общетеоретической категории в конкретную конституционную процедуру» [35]. При этом важно отметить, что в данном контексте конституционная процедура понимается как предусмотренный императивными нормами права порядок реализации имеющихся у субъектов конституционного права полномочий, осуществляемых с целью упорядочивания общественных отношений.

Следовательно, признав за толкованием конституционно-правовую природу, как конституционной процедуры, можно отметить, что анализ его сущности будет иметь две стороны: с одной стороны, важно предписать процедуру, а с другой стороны, содержание процедуры, оправдывающее ее

существование и эффективность, приобретает не меньшую важность. С этой точки зрения, рассматривает конституционные процедуры, например, А.Р. Акчурина, который характеризует их специфические особенности, отмечает такие, как: «... обеспечение реализации конституционно-правовых норм, составляющих ядро правовой системы Российской Федерации, а также создание и поддержание режима конституционной законности в государстве» [3].

Многогранность и в то же время конституционность в равной степени можно сказать и о толковании. В частности, такой вывод делаем как из толкования самой Конституции РФ, например, ст. 125, называющей толкование процедурой, осуществляемой в рамках конституционного судопроизводства, так и из регионального конституционного законодательства, которое, в большинстве своем, использует термин «толкование» применительно к деятельности своих законодательных органов субъектов РФ.

Кроме того, правовой характер судебного толкования как конституционной процедуры поможет определить его существенные конституционные особенности, что представляется логичным, как мы отмечали ранее, путем его сопоставления с законодательной и исполнительной властью.

Так, законодательные органы, на первый взгляд, исходя из самого их наименования, полностью исключены из процесса правоприменительной деятельности, а значит, и толкования норм права. Однако, это не совсем так. Не стоит забывать, что толкование имеет множество видов, и не ограничивается одним лишь казуальным, в котором, действительно, законодательные органы, в силу своей правовой природы и предназначения, участвовать не могут. Между тем, законодательные органы могут являться субъектами, реализующими нормативное толкование, и это подкрепляется целым рядом положений законодательства субъектов РФ.

Например, п. 13-1 ст. 30 Устава г. Санкт-Петербурга прямо закрепляет за Законодательным Собранием такое полномочие как «давать официальное толкование законов Санкт-Петербурга» [117], а Закон Санкт-Петербурга № 522-77 «Об официальном толковании законов Санкт-Петербурга» поддерживает

этого права, а также поясняет, что понимается под официальным толкованием: «разъяснение, даваемое в форме закона Санкт-Петербурга для установления смыслового значения правовых норм закона Санкт-Петербурга в целях раскрытия воли законодателя» [23], тем самым, закрепляя также правокорректирующее значение за таким толкованием.

Правотворческая практика Санкт-Петербурга, надо отметить, неоднократно пользовалась предоставленными полномочиями, выносят отдельные законы о толковании тем или иных норм (см. напр. Закон Санкт-Петербурга № 889-01 «О толковании абзаца первого пункта 4 и пункта 5 статьи 30 Закона Санкт-Петербурга «О государственной службе Санкт-Петербурга, лицах, замещающих государственные должности Санкт-Петербурга, и государственных служащих Санкт-Петербурга» [24]; Закон Санкт-Петербурга № 497-71 «Об официальном толковании пунктов 1, 3, 4 статьи 17 Закона Санкт-Петербурга «Об Уставном суде Санкт-Петербурга» [25] и т.д.).

Аналогичное законодательство предусмотрено законодательством Белгородской области. Так, в Уставе Белгородской области имеется указание на то, что Белгородская областная Дума может осуществлять корректирующее толкование региональных актов, то есть такое толкование, которое направлено на разъяснения, конкретизацию и уточнение норм, без создания новых норм права [116].

Однако, несмотря на существование такой практики в субъектах Российской Федерации, многие авторы считают, что наличие таких полномочий неприемлемо для законодательной власти. В качестве основного аргумента «против», чаще всего исследователи ссылаются на Постановление Конституционного Суда от 17.11.1997 № 17-П, в котором КС РФ рассматривал конституционность постановлений ГД ФС, разъясняющих отдельные положения закона «О статусе судей».

Аргументы оспаривания заключались в том, что: «... Конституция Российской Федерации не содержит нормы, допускающей разъяснение или официальное толкование федеральных законов палатами Федерального

Собрания; в законотворческом процессе участвуют не только Государственная Дума, но и Совет Федерации и Президент Российской Федерации. Следовательно, нет никаких конституционных оснований к тому, чтобы официальное толкование законов осуществлял лишь один из участников законотворческого процесса» [77].

В свою очередь, принимая решение, КС РФ отметил: «Данные Постановления являются официальными государственными предписаниями, обязательными для исполнения. Таким образом, оспариваемые Постановления Государственной Думы имеют нормативный правовой характер и притом наделены той же юридической силой, что и разъясняемые ими акты – федеральные законы. Соответственно, они должны приниматься, подписываться и обнародоваться в том же порядке, в каком и акт законодательного органа, посредством которого осуществляется официальное, имеющее силу закона разъяснение федерального закона» [77].

Тем самым, можно сделать вывод о том, что КС РФ приравнял процедуру аутентичного толкования процедуре принятия ординарного закона. Однако при всем при этом, постановления, вынесенные ГД ФС суд, тем не менее, не признал актами аутентичного толкования, поскольку они вынесены лишь одной палатой ФС РФ. Так же, как и нельзя признать такое толкование делегированным официальным разъяснением, указал КС РФ, поскольку такого права за ГД ФС не закреплено в принципе.

Таким образом, исходя из данного КС РФ разъяснения, можно сделать следующие выводы:

- нормативное толкование, в широком смысле этого слова, потенциально допускается за законодательными органами;
- законодательный орган должен придерживаться специальной процедуры толкования, либо аналогичной аутентичному толкованию соответствующего акта, либо являющейся частью специальной нормы правового толкования.

Оценивая такой подход, мы считаем его крайне деструктивным, сводящим полностью на нет модель функционирования законодательных органов, ведь

фактически, КС РФ признал возможность наличия двух тождественных друг другу конституционных процедур параллельного законотворчества, негативно влияющего на как таковой регулятивный потенциал закона.

Кроме того, наделения такими полномочиями органов законодательной власти видится избыточным даже в контексте решения проблем по устранению неясности или противоречия нормативных правовых актов, поскольку уже очень давно, для решения этих вопросов в РФ существует полностью функционирующий механизм – внесение поправок в законодательство в надлежащей конституционной и правовой форме.

Кроме того, мы разделяем мнение о том, что предоставление законодателям таких чрезвычайных полномочий толковать свои собственные решения, во-первых, снимает с законодателя ответственность за соблюдение принципа правовой определенности в процессе законотворчества, а во-вторых, входит в противоречие с принципом добросовестности законодателя, предоставляя ему возможность легально править уже введенный в действие нормативный правовой акт на свое усмотрение [49].

Полагаем, что вся вышеизложенная аргументация вполне справедлива и в отношении законодательной практики регионального толкования. Как мы отметили ранее, множество субъектов РФ (более 50) предусматривают такие полномочия в своем законодательстве (например, Забайкальский, Краснодарский, Хабаровский края, республики Адыгея, Алтай, Коми, Тыва и др.). Однако, в большинстве указанных субъектов, как показывает анализ их действующего законодательства, возможность такого толкования предусматривается исключительно в виде ординарной законотворческой процедуры, а там, где допускается вынесение специальных актов толкования – разъяснений чаще в виде постановлений), там отсутствует специальная строгая регламентация проведения данной процедуры [115].

Все это позволяет говорить о том, что эффективность указанного института, с учетом подсвеченных проблем, видится крайне сомнительной. Оптимальным решением же данной проблемы мы видим только введение

полного нормативного запрета на официальное толкование законодательными органами выносимых ими же законов, так как это является ничем иным, как легальной попыткой подменить законодательный процесс более упрощенной формой нормотворчества.

Еще одна, помимо законодательной и судебной, ветвь власти, которая также участвует в толковании нормативно-правовых актов, это исполнительная. В отношении от законодательных органов, органы исполнительной власти Российской Федерации вполне справедливо имеют более широкий объем возможностей по осуществлению интерпретационной деятельности, поскольку их основные задачи и функции направлены именно на процесс правореализации, правоприменения. Проводя классификацию допустимых исполнительными органами форм толкования, Л.Р. Романовская справедливо выделила следующие блоки:

«— осуществление аутентичного толкования собственных нормативных правовых актов;

— толкование нормативных правовых актов в процессе текущей правоприменительной деятельности;

— осуществление толкования федерального и регионального законодательства в форме ведомственного правотворчества» [103].

Рассмотрим особенности каждого из обозначенных видов.

В отношении первого достоверного толкования собственных актов повторяем ранее изложенные нами доводы о недопустимости наделения каких-либо органов такими полномочиями.

Однако в случае с исполнительными органами проблема параллельного нормотворчества приобретает еще большие масштабы, в виду значительно большего количества функционирующих исполнительных, нежели законодательных органов. Полагаем, что система сдержек и противовесов потому и зарекомендовала себя с положительной стороны, что она позволяет не допустить ситуаций самопроверок и самоисправлений, которые по понятным причинам, облают малой степенью эффективности.

Второй вид толкования – толкование в процессе правоприменения, является наиболее частым видом интерпретационной деятельности, встречающимся в практике исполнительных органов, поскольку, вынося любое властно-распорядительное решение, данные органы, так или иначе, встречаются с необходимостью осуществлять толкование применяемых при этом нормативных правовых актов. Однако важно отметить, что поскольку такие решения, распоряжения и предписания регулируют конкретные общественные отношения или конкретную их сферу, толкование в такой ситуации может носить только казуальный характер, не претендуя на установление практики аналогичного применения в будущем, то есть, не создавая общих правил правоприменения.

Наиболее же спорным, на котором хотелось бы остановиться чуть более подробно, видом интерпретационной деятельности, является последний – толкование в форме ведомственного правотворчества. Стоит отметить, что актуализирует эту проблему наметившаяся в последнее время тенденция, проявляющая себя во многих странах, в том числе и в РФ, по возрастанию роли ведомственного правового регулирования, которое зачастую опережает законодательное, и воспринимается в целом, как нечто положительное в виду возможности оперативного реагирования и знания реальное положение дел на местах [20].

Вместе с тем, однако, это положение порождает и целый ряд проблем, в частности существенные затруднения вызывает материально-правовое разграничение нормативных и ведомственных постановлений. Кроме того, это создает и общую атмосферу снижения авторитета права как основного источника. Кроме того, нельзя упускать из виду и возможность превышения органам исполнительной власти своих полномочий, что в отсутствии механизма адекватной реакции на это, создает риска возникновения, так называемого, административного произвола.

Конституционный Суд РФ в Постановлении № 6-П допустил возможность исполнительной власти осуществлять дискреционные полномочия, указав что:

«... толкование законодательных предписаний имеет место не только при принятии публично-властного решения в отношении конкретного лица, – оно может быть осуществлено путем разъяснения нормативного содержания того или иного законоположения применительно ко всем правоотношениям, возникающим на его основе, что требует принятия уполномоченным органом соответствующего акта, с тем чтобы довести его до сведения всех субъектов правоотношений, на которых распространяется разъясняемое предписание закона» [91].

Однако на практике право, описываемое Конституционным Судом РФ, нередко искажается, слишком широко воспринимается органами исполнительной власти, что в свою очередь приводит к навязыванию де-факто нормативного толкования в обход формальной процедуры. Так, во исполнение вышеуказанного постановления судья Ю.М. Данилов высказал особое мнение, в котором справедливо заявил, что не считает приемлемым положение, когда Федеральная налоговая служба РФ при разъяснении налогового законодательства сочла возможным сформулировать требования, применимые ко всем вопросам Налогового законодательства, обязательными для исполнения. путем принятия нормативного правового акта. Однако при всем при этом, судья не усмотрел в оспариваемом разъяснении ФНС РФ признаков «нормативности» [61].

Такие споры, даже на уровне КС РФ, являются не единственным примером, однако, явно демонстрирующим отсутствие единого подхода к решению проблемы.

Если рассматривать его с точки зрения допустимости официального толкования исполнительными органами какого-либо законодательного акта, с позиции правотворческого или правокорректирующего толкования, то это лишит смысла деятельность законодательных органов в целом, и, как указывает Н.С. Малютин, воли народа, поскольку «народ доверил принятие важных государственных решений именно своему избираемому представительному органу» [43].

Если учесть рассуждения некоторых авторов о том, что ведомственное законодательство является косвенным толкованием законов [19], то мы упираемся в проблематику терминологического характера, когда понятие «толкование» сопоставляется по своему содержанию с понятием «конкретизации», что на наш взгляд, следует строго разграничивать. Если орган исполнительной власти осуществляет дополнительное правовое регулирование по прямому законодательному предписанию, например, вынося регламентарный акт, это будет являться конкретизацией, а не толкованием. Толкование же направлено, по справедливому замечанию П.А. Гука, «на полное раскрытие содержания нормы, с целью ее правильного и единообразного применения, посредством определения понятий, а при конкретизации происходит логическая операция ограничения понятия с целью повышения точности и определенности правового регулирования» [16].

Указывал на разницу между понятиями и Н.В. Витрук в своем особом мнении, касающегося Постановления КС РФ № 8-П [60].

Соответственно, кратко подытожим, что, несмотря на то, что в процессе своей работы исполнительные органы власти неизбежно сталкиваются с необходимостью толкования нормативных актов; у них есть только практический способ сделать это в виде оперативного уточнения определенных правовых норм (также называемых делегированным законодательством) с соблюдением строгих ограничений и свои пределы, которые существуют, на наш взгляд, не случайно, а именно с целью не допустить размытия законодательного и подзаконного нормативного регулирования.

В частности, таким ограничителем можно признать, например, ст. 115 Конституции РФ, по которой Правительство РФ правомочно издавать постановления и распоряжения только «на основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных законов, указов, распоряжений, поручений Президента Российской Федерации» [34].

КС РФ еще больше разъяснил данное ограничение в своем Постановлении № 15-П: «Поскольку Правительство Российской Федерации осуществляет меры

по обеспечению прав и свобод граждан, ни оно само, ни другие органы исполнительной власти не вправе устанавливать не предусмотренные федеральным законом обязанности и обременения, ограничивающие конституционные права и свободы граждан» [84].

Подводя итоги исследования концепции осуществления толкования нормативно-правовых актов различными органами, в зависимости от их принадлежности к той или иной ветви власти, хотелось бы отметить, что законодатель, учитывая особую роль толкования как эффективного инструмента корректировки применимого режима, к которому не следует прибегать без особой необходимости, полагаем, что к предмету данной процедуры должны предъявляться особо строгие требования, так и к процессу ее осуществления.

В отношении субъектов толкования, с точки зрения практики разделения властей, стоит отметить, что в Российской Федерации прерогативой толкования нормативно-правовых актов все же обладают судебные органы, полномочия которых в полной мере позволяют реализовать весь потенциал данной конституционной процедуры, что будет продемонстрировано в рамках следующих параграфов работы.

В отношении же роли законодательных и исполнительных органов процессе толкования, стоит констатировать, что, к сожалению, поскольку в действующем законодательстве отсутствует императивное закрепление принципа приоритета данной функции за судебной властью, постольку и законодательные, и исполнительные органы также наделены такими полномочиями, что приводит к целому ряду практических проблем, избежать которые, на наш взгляд, поможет корректировка законодательства в этой части. Так, предлагается исключить на законодательном уровне возможность осуществлять легальное толкование указанными субъектами.

2.2 Толкование нормативных правовых актов судами общей юрисдикции и арбитражными судами

Как мы отметили ранее, в общей системе разделения властей, функцию толкования нормативно-правовых актов полагаем прерогативой именно судебной власти, то есть судов различных звеньев, поскольку результаты толкования правовых норм немедленно отражаются в судебных материалах и в то же время доступны другим судам и правоохранительным органам как для восприятия, так и для заимствования.

Многие авторы рассматривают судебные решения как окончательную, законченную картину права. В качестве примера, приведем слова А. Кауфмана: «Впервые здесь, в конкретном решении, право обретает свою бытийную насыщенность, становится полностью и целиком действительным, каждое правовое решение... является «составляющей пунктуального развития права», частью осуществления права. Впервые в правосудии из закона возникает право. Суд является местом, в котором право осуществляется в его полноте» [36].

Н. Луман придерживался аналогичного мнения, указав, что «роль суда выходит далеко за рамки гаранта существующей правовой системы, она начинает воплощаться, в том числе, в гармонизации этой системы» [38]. С данным утверждением сложно не согласиться, поскольку судебное толкование заключается не только в казуальном толковании, выражающемся в решении конкретного кейса, но и подчинено целям создания единообразия правоприменительной практики, что также выражается в толковании права путем обобщений судебной практики, приобретающих обязательную силу.

Однако такое свойство интерпретационных решений суда как «нормативность», все же вызывает некоторые споры в правовой доктрине. Равно как и до сих пор представляет собой некоторого рода проблему вопрос выбора судами оптимального вида толкования, применительно к конкретной ситуации.

Так, например, выбирая способ толкования-разъяснения, то есть интерпретации нормы путем фактически пересказа содержания нормы,

используя различные грамматические, телеологические и иные приемы, суды сталкиваются с проблемой неприменимости такого метода к ситуациям, когда регулирующая норма отсутствует. Однако в ситуации, когда такая норма все же присутствует, и в ней нет каких-либо пробелов или правовых дефектов, такой вид толкования наиболее предпочтителен. Из-за его предназначения, его иногда называют также «социальным» толкованием [47], поскольку оно заключается, в основном, в «переводе» судом содержания нормы со сложного юридического языка на обывательский, понятный истцу, заявителю и т.д.

Если же обнажает себя проблема недостаточности нормативного регулирования, или имеется некорректное нормативное регулирование, суды предпочитают прибегать к методу так называемого толкования-развития. Фактически, можно сказать, что суды вынуждены прибегать к такому толкованию, потому что отказываются рассматривать дело по существу в виду отсутствия корректной законодательной нормы они не могут, а преодолевать нормативный пробел нужно.

Подвидом толкования-развития, которым часто пользуются Верховный Суд, и ранее – Высший Арбитражный Суд, является правокорректирующее толкование, происходящее за счет вынесение постановлений на уровне Пленумов ВАС РФ и ВС РФ.

В качестве примера можно привести Постановление Пленума ВАС РФ № 22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», в котором суд разъяснил условия возникновения права собственности на недвижимое имущество в процессе наследования. Согласно толкованию, данному Высшим Арбитражным Судом РФ, которому стала следовать вся последующая практика, наследник может претендовать на недвижимое имущество, даже если право наследодателя на него не было зарегистрировано, хотя по закону право собственности возникает только с момента государственной регистрации: «.. В этом случае, если право собственности правопреемника не было зарегистрировано в ЕГРП,

правоустанавливающими являются документы, подтверждающие основание для перехода права в порядке правопреемства, а также документы правопреемника, свидетельствующие о приобретении им права собственности на недвижимое имущество» [96]. Таким образом, своим толкованием Высший Арбитражный Суд РФ фактически ввел новое, дополнительное исключение из своего общего правила о возникновении права собственности.

Такой вид толкования, правотворческого, в большей степени характерен для Конституционного Суда РФ, является классическим примером этого. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 12-П «По делу о толковании статьи 136 Конституции Российской Федерации» [92], которым был введен новый вид законов – Закон о поправке к Конституции РФ, что нашло свое нормативное отражение, в частности, в Законе РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [22].

Поскольку предметом настоящего параграфа является интерпретационная деятельность судов общей юрисдикции и арбитражных судов, а также с учетом ранее обозначенной существенной проблематики признания за отдельными актами толкования таких судов признака нормативности, остановимся более подробно на процессе правотворческого толкования указанными судами.

Несмотря на то, что страны, представляющие континентальную правовую систему, не признают прецедент в качестве полноценного источника права, нормативное значение судебных решений в этих странах тем не менее значительно возрастает, и Российская Федерация не является исключением.

Как отмечает О.А. Ругина: «... подобное обстоятельство связано с тем фактом, что, несмотря на отсутствие формальной обязательности решений вышестоящих судебных инстанций для нижестоящих судов, последние следуют данным решениям добровольно в силу их убедительности и эталонного толкования» [105].

В качестве примера, Верховный кассационный суд Италии имеет право обеспечивать последовательное толкование закона нижестоящими судами. Также, на основании многочисленных исследований, Верховные суды Греции и Германии, несмотря на отсутствие такой обязанности, все же дают рекомендации, обязательные для исполнения нижестоящими судами. Особенно это касается сферы уголовного судопроизводства, где суды вводят новые институты и правовые порядки. Так, Кассационным судом Франции было введено, впоследствии включенное в УК Франции, понятие крайней необходимости, а ВС ФРГ сформулировал нормативные требования к признанию группы лиц бандой [114], и т.д.

Российская система права, по замечанию многих исследователей, в свете указанной тенденции к смешению отдельных черт ключевых правовых семей, уже не является в полной мере образцом «романо-германской» системы права, а относится к группе государств, «тяготеющих» к данной правовой семье, т.к. по вопросам оценки роли судебного правотворчества в РФ уже давно не придерживаются классических стандартов, присущих континентальной системе права [102]. Следовательно, отечественная доктрина права, в настоящее время придерживается некоего усредненного подхода в части осуществления судебными органами функций толкования нормативно-правовых актов.

В настоящее время так называемые акты официального судебного толкования приобретают все большее значение в общей системе истолковательных актов судов и оказывают непосредственное влияние на судебную практику. Кроме того, в зависимости от различных подходов к их классификации виды этих актов представлены множеством различных форм, т.е. в зависимости от предмета регулирования они могут быть разъяснениями в сфере трудового права, гражданского и уголовного права, семейное право и др.; по юридической силе они могут быть обязательными или рекомендуемыми; они могут распространяться на всю систему правосудия или могут носить локальный характер; по субъектам толкования также принято

выделять акты мировых судей, районных судов и вышестоящих судебных органов.

Особое интерпретационное значение, с точки зрения нормативности актов толкования, имеют именно последние упомянутые акты – акты вышестоящих судебных органов. Как верно отмечал Н.С. Бондарь: «... судебная практика уже оказывает значимое воздействие на нормативное содержание, и особое значение в этом плане имеют разъяснения по вопросам судебной практики Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, которые призваны обеспечить единообразное судебное истолкование и применение законодательных норм, а потому, нередко содержат правоположения общерегулятивного характера» [8].

На вершине системы арбитражных судов и судов общей юрисдикции, согласно действующей системе регулирования, находится Верховный Суд РФ, что наделяет его особыми полномочиями, в частности по разъяснению вопросов судебной практики для обеспечения их единообразия. В частности, это прямо указано в ст. 126 Конституции РФ, а также в соответствующих законах - Законе о судостроительстве, Законе о Верховном Суде Российской Федерации.

В то же время мы категорически не согласны с мнением А.А. Малюшина о том, что в законе не предусмотрена форма для такого разъяснения Верховным Судом [44]. Системное толкование ч. 3 и 5 ст. 5 ФКЗ «О Верховном Суде РФ» [121] дает представление о том, что актом толкования Верховного Суда является постановление Пленума ВС РФ. До упразднения Высшего Арбитражного Суда аналогичными полномочиями был наделен Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ, подтверждая, что эти полномочия возложены на него решением Конституционного Суда, который в своем Постановлении № 1-П заявил, что: «... осуществление Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации этого правомочия [разъяснения по вопросам судебной практики] объективно не может не основываться на вырабатываемых им правовых позициях, содержащих толкование разъясняемых положений законодательства. Отрицание права Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации давать на основе обобщения судебной практики абстрактное толкование применяемых

арбитражными судами норм права и формировать соответствующие правовые позиции означало бы умаление его конституционных функций и предназначения как высшего суда в системе арбитражных судов, – притом что он не вправе выходить за пределы своих полномочий, определяемых Конституцией Российской Федерации и федеральными конституционными законами, и вторгаться в компетенцию других органов государственной, в том числе судебной, власти» [82].

Сформулированные в связи с решениями пленума ВАС РФ Конституционным Судом выводы впоследствии экстраполировались и на акты Пленума и Президиума ВС РФ, на что указал КС РФ в постановлении № 24-П: «... Тем самым при рассмотрении Пленумом Верховного Суда Российской Федерации или Президиумом Верховного Суда Российской Федерации вопросов определения (изменения) практики применения правовых норм обеспечиваются непротиворечивые подходы в толковании действующего законодательства и как следствие – необходимый в демократическом обществе высокий уровень доверия к судебной власти. Кроме того, окончательность постановлений Президиума Верховного Суда Российской Федерации по конкретным делам и невозможность их пересмотра какой-либо иной судебной инстанцией закреплена законодательно...» [76].

Решив с формой актов судебного толкования высших судебных инстанций, также остановимся более подробно на их содержании. Так, все решения, выносимые высшими судебными инстанциями по результатам индивидуального анализа конкретных дел (иными словами, акты казуального толкования) – не обладают свойствами нормативности, и никаких проблем определение их правового статуса не вызывает.

Об этом также кратко было упомянуто в ранее обозначенном постановлении КС РФ № 24: «Если постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации являются окончательными, принимаются в составе, представляющем Верховный Суд Российской Федерации в целом, и только в случаях, имеющих особое значение, в частности для формирования

единообразной правоприменительной практики, то определения, выносимые судебными коллегиями Верховного Суда Российской Федерации при пересмотре конкретных дел в кассационном порядке, указанным критериям не отвечают. Не изменяет свойств судебных актов, вынесенных судебными коллегиями Верховного Суда Российской Федерации по конкретным делам, и факт их включения в обзоры судебной практики, утверждаемые Президиумом Верховного Суда Российской Федерации, поскольку при решении вопроса о включении в обзор того или иного судебного акта, вынесенного судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрение самого дела в процедуре, предусмотренной процессуальным законом, не происходит» [76].

Факт вынесения высшими судебными инстанциями ординарных решений, имеющих правовую природу казуального толкования, никак не оспаривается, и не вызывает споров относительно их нормативности. Однако, те акты, которые содержат обобщения судебной практики или какого-либо рода разъяснения – уже представляются более интересными для изучения, в виду их дискуссионности. Научное сообщество разделилось на два лагеря: одни признают нормативную природу таких судебных актов (например это прослеживается в работах И.Я. Козаяченко, А.В. Наумова, Л.В. Смирнова, а другие, напротив, отрицают наличие признака нормативности у таких актов, определяя их юридическую силу как рекомендательную (Н.Г. Иванов, Н.А. Лопашенко, В.С. Нерсесянц).

В пользу первой позиции имеются следующие аргументы. Так, КС РФ в своих постановлениях [77, 91] неоднократно отмечал, что основными признаками нормативного правового акта являются следующие критерии: акт всегда общий, он направлен на неопределенный круг лиц, имеет целью многократное применение, содержит конкретное положение, общие правила, является обязательным официальным актом. Данная позиция Конституционного Суда РФ основана в том числе и на системном толковании положений ст. ст. 15, 90, 105, 125 Конституции РФ, а также полностью соответствует доктринальному пониманию нормативного правового акта.

Соответственно, если все приведенные характеристики нормативно-правового акта сопоставлять с характеристиками постановлений Пленумов ВС РФ, то можно заметить, что большинство из них полностью совпадают, что дает основание признать за ППВС РФ наличие признака нормативности. В частности, это проявляется в том, что: все постановления Пленума ВС РФ выносятся соответствующим органом (эта функция закреплена за ВС РФ специальным законодательством); все разъяснительные акты ВС РФ издаются в установленном порядке и по установленной форме; содержащиеся в них рекомендации носят общий характер, рассчитаны на многократное использование; они обязательны.

Именно последний признак – является контраргументом противников позиции о наделении постановлений Пленума ВС РФ признаком нормативности. Как отмечают приверженцы второй точки зрения, тому есть несколько объяснений. Во-первых, общеобязательность таких актов интерпретации не указана ни в одном законодательном акте, а во-вторых, если следовать буквальному прочтению ст. 126 Конституции РФ, то на ВС РФ возлагаются полномочия по разъяснениям не вопросов применения законодательства, а только судебной практики; в третьих, некоторые авторы также отмечают в качестве невозможности отнести постановления Пленума к нормативным судебным актам по причине независимости судей [13].

Являясь приверженцами первой позиции, о нормативности постановлений Пленума ВС РФ, позволим себе высказаться свои контраргументы на вышеприведенные тезисы.

Так, первый тезис об отсутствии законодательного закрепления обязательности судебных разъяснений можно опровергнуть положениями ст. 6 ФКЗ «О судебной системе РФ», которая так и называется «Обязательность судебных постановлений» [125], и провозглашает обязательность судебных постановлений не только для всех граждан и юридических лиц, но и всех государственных органов, органов МСУ, должностных лиц.

Второй тезис и вовсе находится в поле лингвистического толкования, представляет собой не что иное, как особенности прочтения, ведь что понимать под судебной практикой как не практику применения закона судами?

Третий аргумент о том, что суды не обязаны руководствоваться ничем, кроме закона, также на наш взгляд является следствием узкого толкования и неправильного прочтения авторами нормы закона. Подчинение судей закону не снимает с них обязанности руководствоваться также и подзаконными актами, требованиями КС РФ, а значит, и по аналогии, требованиями иных вышестоящих судов.

Если проследить позицию КС РФ по вопросу нормативности (в части наиболее спорного критерия общеобязательности) актов ВС РФ и ВАС РФ, то, как мы кратко отметили ранее, в большинстве своих постановлений и определений, Конституционный Суд РФ косвенно выводит их нормативное содержание. В частности, если руководствоваться Определением КС РФ № 69-О [58], Постановлением КС РФ №19-П [74], то можно отметить, что в обоих актах Конституционного Суда РФ указывается на два признака общеобязательности судебных решений: их невозможно обжаловать, и они имеют официальное опубликование.

Соответственно, разумеется, большинство ординарных решений судов общей юрисдикции и арбитражных судов этим критериям не соответствуют, однако, что касается постановлений Пленума и Президиума ВС РФ – вполне.

Еще один аргумент в пользу нормативности таких актов судебного толкования вытекает из того, что, хотя формально нижестоящие суды не связаны правовым статусом вышестоящего суда, однако исходя из практической деятельности, несоблюдение этих указаний создает высокую долю вероятности оспаривания решения суда на этом основании. Справедливость данного вывода подтверждается, в том числе, и процессуальными нормами закона.

Ст. 170 АПК РФ [4] гласит, что арбитражный суд вправе ссылаться в своем решении на постановления ВАС РФ и ВС РФ; также ст.ст. 390 ГПК РФ, 329, 342 КАС РФ, 289, 308.11 АПК РФ, 401.16, 412.12 УПК РФ прямо предусматривают,

что указания вышестоящих судов по вопросам толкования закона являются обязательными для суда, который проводит рассмотрение дела.

Рассматривая толкование норм права судами в иных формах стоит отметить, что о нормативном толковании в данной ситуации не будет идти и речи. В первую очередь, поскольку субъектом ее издания является Президиум, то есть судебная инстанция, по справедливому замечанию С.И. Князькина «сама формирующая ту самую противоречивую практику, которую пытается привести к единообразию Пленум» [30].

Кроме того, профильные законы, раскрывая полномочия Президиума, также не указывают среди них вынесение властного и общеобязательного для нижестоящих судов волеизъявления. Помимо сказанного, содержание таких актов Президиума не носит содержание нормативного толкования, а представляет собой, по большей части, компиляцию казуального толкования.

Таким образом, подводя итог, хотелось бы отметить следующее. Толкование нормативных правовых актов в судах общей юрисдикции и арбитраже – является неотъемлемой частью их судебной правоприменительной деятельности. Однако в данном случае уместно говорить исключительно об осуществлении казуального толкования, не влекущего никаких последствий для правовой системы в целом.

Если же говорить, по большей части, о правотворческой деятельности вышестоящих судебных инстанций, то в данном контексте, как был сделан вывод в ходе исследования, уместнее использовать понятия «нормативное толкование», поскольку в силу закрепленных за ними полномочий (в настоящее время, это исключительно Верховный Суд РФ), они участвуют в реализации функций по разъяснению и толкованию судебной практики, обеспечении единообразия ее применения. Осуществляется на практике это с помощью вынесения общеобязательных, строго формализованных, не подлежащих обжалованию постановлений Пленума ВС РФ (такая нормативная правовая природа в равной степени справедлива и в отношении не утративших силу постановлений Пленума ВАС РФ).

2.3 Толкование нормативных правовых актов, осуществляемое в конституционном судопроизводстве

Все выводы о законодательно обеспеченном полномочии нормативного толкования судами высших инстанций, с учетом специфики конституционного судебного процесса, не в полной мере могут распространяться на ситуации, которые складываются в системе конституционного судопроизводства. Данными факторами могут являться, как цели конституционного процесса, так и роль самих органов конституционного контроля в данной системе, что на наш взгляд не позволяют приравнять процедуру и акты судебного толкования арбитражных судов и судов общей юрисдикции к актам конституционного контроля.

В отличие от Верховного суда, полномочиями по толкованию судебных актов которого регулируются исключительно специальными законодательными актами, Конституционный Суд наделен подобными полномочиями текстом самой Конституции РФ, ст. 125 которой предполагает наличие у КС РФ исключительного права толковать собственные положения, а также позволяет выносить решающие акты по спорам о соответствии нормативно-правового регулирования, что попросту невозможно без осуществления предварительного толкования проверяемого акта и сопоставляемых с ним положений Конституции.

Тем самым, можно заключить, что именно из толкования складывается основная контрольно-надзорная функция КС РФ, на что не раз обращалось внимание в научной литературе. Например, З.М. Хаткова справедливо отмечает, что: «приоритетной функцией конституционного контроля выступает именно толкование правовых нормативов с точки зрения их соответствия действующей конституции, что составляет глубинную суть этого контроля» [128].

Кроме того, у КС РФ имеется прямая правотворческая функция, которую он также осуществляет именно с помощью толкования. Суть ее заключается в следующем: уяснение смысла нормативного положения происходит с помощью

его оценки не только на соответствие конституционному смыслу, но и потребностям общества, и возможностям государства. Тем самым, Конституционный Суд участвует в осуществлении законодательной политики государства, путем корректировки законодательства.

Между тем, наличие подобных корректирующих функций у КС РФ вызывает у некоторых авторов сомнения относительно нормативного характера принимаемых им решений. Об этом, пишет, в частности, С.А. Авакьян [1], Н.С. Бондарь [7].

Однако, как водится, имеется и противоположная позиция, не допускающая каких-либо разночтений касательно выполнения КС РФ корректирующей функции во исполнение нормативности. Так, например, А.А. Джагарян рассуждает, что: «позитивное конституционно-судебное нормотворчество проявляется путем герменевтического выведения из Конституции Российской Федерации конкретных юридических предписаний, связывающих всех субъектов права; конституционного истолкования текущего законодательства, через которое выявляется его конституционно-правовой смысл; конституционной корректировки правоприменительной практики; дачи предписаний законодателю» [18].

Также мы согласны с мнением А.А. Малюшина, который пишет, что «наиболее ярко нормативность толкования Конституционным Судом РФ законоположений проявляется в выявлении их конституционно-правового смысла как результата особой формы интерпретационной деятельности – конституционно-правового истолкования» [41].

Относительно результат такого конституционно-правового истолкования мнения также разнятся: кто-то утверждает о том, что в решения КС РФ отсутствуют положительные регулятивные нормы; кто-то настаивает на выражении в решениях КС РФ «особых» или «специальных норм»; а некоторые авторы предпочитают использовать терминологию «нормы о нормах».

Однако хотим отметить, что все вышесказанные мнения никак не противоречат наличию в таких решениях КС РФ признака нормативности, поскольку его содержание не предполагает обязательное наличие положительных норм. Между тем, интерпретационная деятельность КС РФ в любом случае связана с релятивностью итогового акта, что, на наш взгляд, и придает ему нормативности.

При этом в отношении формы изложения своего видения единственно возможного текста формально сохраненной нормы – не связан никакими строгими правилами, и может формулировать ее либо в виде конкретного предписания в резолютивной части (как, например, в Постановлении КС РФ № 18-П [87]), либо в виде предписания правоприменителям исходить из смысла нормы, изложенной в мотивировочной части (см., например, Постановление КС РФ № 10-П [72]).

Относительно проблем, возникающих в сфере интерпретационной деятельности КС РФ, нельзя не отметить, что зачастую, вопрос их исполнимости ставится правоприменителем исключительно в отношении заявителя по делу. Иными словами, нередки ситуации, когда правоприменители воспринимают акты конституционного толкования как индивидуальные акты, сосредотачиваясь лишь на формальных положениях резолютивной части, полностью игнорируя данную КС РФ интерпретацию оспариваемого положения, которое носит, как мы неоднократно отмечали ранее, нормативный, общий характер. Подобное же исполнение решений КС РФ Е.И. Колушин называет «квазиосуществление» [33], поскольку буквально оно осуществляется, но его понимание искажено.

Между тем, на обязательность, комплексность своих решений неоднократно указывал и сам КС РФ, например, в постановлении № 19-П, где говорится: «... Конституционный Суд Российской Федерации, принимая решение по делу, оценивает также смысл, придаваемый рассматриваемому нормативному акту сложившейся судебной практикой.... Поэтому его постановления являются окончательными, не могут быть пересмотрены другими органами или преодолены путем повторного принятия отвергнутого

неконституционного акта, а также обязывают всех правоприменителей, включая другие суды, действовать в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации» [74].

Еще одной проблемой в этой сфере можно назвать проблему осуществления КС РФ специфической интерпретации – толкования Конституции РФ. По заверению некоторых авторов, такого рода официальное толкование правомочно осуществлять либо специализированные органы конституционного контроля (коим является КС РФ), либо парламент (характерно для Армении, Беларуси, Грузии). Между тем, безусловно, наличие в государстве такого органа обязательно, и не оспаривается никем, поскольку без сомнения, принятый на референдуме законодательный акт не может быть в полной мере истинно истолкован законодательными органами, для его толкования, так или иначе, нужен независимый, сторонний арбитр [48].

Большинством научного сообщества поддерживается идея наделения правом официального толкования Конституции именно КС РФ. Однако все же возникают единичные сомнения относительно степени влияния Конституционного Суда РФ на правотворчество. В их числе В.Д. Зорькин, который задается вопросом: «Как соотносить такие решения с правовыми нормами (Конституции, кодекса, закона) и какую роль при этом играет толкование права?» [26].

Отвечая на часто возникающий в связи с этим вопрос: что в итоге реализуется, сама нормативная норма или положение, сформулированное в ходе толкования Конституционным Судом РФ, считаем уместным процитировать позицию В.А. Туманова, который утверждал, что: «... всякий раз, когда речь идет не об элементарных способах толкования (логическом, семантическом), оно, очевидно, не оставляет норму в первоначальном виде и может достаточно существенно модифицировать ее. Как квалифицировать подобное «восполняющее толкование» – вопрос спорный. Но если толкование не привносит в понимание нормы ничего нового, то зачем оно нужно вообще?» [28].

Считаем, что В. А. Туманов полностью права в том, что почти любое толкование, кроме буквального, так или иначе, привносит в толкуемую норму что-то новое, особенно, это актуально тогда, когда методы толкования применяются с целью преодолеть пробел, устранить коллизию и иным образом скорректировать дефект нормы права. В этом ключе, толкование КС РФ положений Конституции, в форме правовой позиции, уточняющего или дополняющего характера, не видится чем-то предрассудительным.

Еще одной немаловажной особенностью нормативного толкования КС РФ текста Конституции РФ является то, что именно благодаря такому толкованию указанные нормы приобретают конкретизированное содержание. Не секрет, что большинство норм Конституции РФ сформулированы абстрактно, рамочно, а потому, придание им правоприменительного смысла, даже если он несколько отличается от изначально заложенного законодателем, без сомнения идет на пользу действующей правоприменительной практике, которая не должна стагнировать.

Учитывая все вышесказанное, некоторые авторы предлагают выделять еще одну ветвь власти – «интерпретационную», носителем которой полагают Конституционный Суд [52]. Обосновывают свою позицию приверженцы такой теории следующим: в настоящее время уже сформирована такая система, в которой государственные органы полностью подчинены правилам Конституции РФ, а эти правила, в своем правоприменительном значении, являются результатом толкования органа конституционного контроля, то есть КС РФ. Однако уместно, в свете данной теории, все же отметить, что как решать вопрос о подчиненности самого КС РФ интерпретируемой им же Конституцией – исходя из основного постулата данной теории, так и не ясно.

Разумеется, этот вопрос является, в некотором роде, софистическим, и существует столько, сколько будет существовать сама идея контроля. Однако, тем не менее, научным сообществом предлагается несколько вариантов решения указанной проблемы.

Так, еще в начале прошлого столетия Г. Кельзен [138] полагал, что стоит признать орган конституционного контроля частично и законодательным органом. Упрощенная логика автора состояла в том, что, если акт будет признан неконституционным, это автоматически даст право принять акт полностью противоположного содержания. В настоящем, такая концепция мало применима, тем более в российских реалиях практики КС РФ, который зачастую признает неконституционность не самой нормы, а определенного его понимания, устанавливая фактически запрет на тот или иной вариант ее толкования, но не применения данной нормы. Кроме того, не для всех стран такая модель будет рабочей, например, не для США, где суд, при ряде обстоятельств, будет становиться единственным законодательным органом.

Вторая позиция основывается на том, что орган, правомочный осуществлять толкование Конституции, должен иметь статус органа конституционно-учредительной власти. Так, Ш. Эйзенманн [135] предлагал разграничить полномочия Конституционного суда Австрии по толкованию «*in abstracto*» и «*in concreto*», однако, осознав несостоятельность теории, он справедливо отказался от нее, так как фактически полномочия в обоих случаях были одинаковыми, так как в любом случае орган конституционного контроля закреплял обязанности не просто разрешить конкретный спор, но и решить вопросы дальнейшего применения оспариваемого положения.

Третий подход основан на, изначально предложенной М. Ориу, концепцией. Как полагает автор, существует комплекс принципов, стоящих выше Конституции и именуемых «конституционной законностью». Если какие-либо положения Конституции противоречат этим положениям, они могут быть отменены или изменены. В целом это понятие является частным случаем отражения общих представлений о необходимости существования надюрídических принципов, которые бы определяли условия принятия позитивных норм права.

Таким образом, кратко подытожив, можно отметить, что Конституционный Суд, в ходе своей интерпретационной деятельности, вправе

разрабатывать нормы разного уровня и, соответственно, которыми сам не связан. Данную норму, установленную Конституционным Судом, можно признать высшей в логическом смысле слова по отношению к решению об отмене или подтверждении действия закона. Нормативная иерархия допускается только по отношению толкуемой и толкующей нормам. При этом, разумеется, свобода КС РФ, как и любого суда РФ, в части толкования имеет свои пределы, именуемые иногда также «интерпретационными полями», однако, этот вопрос станет предметом рассмотрения следующей главы исследования.

Некоторые сожаления, в свете рассматриваемого вопроса, вызывает решение законодателя об упразднении региональной конституционной юстиции (конституционных уставных судов субъектов), которые при должном нормативно-правовом регулировании имели неплохой интерпретационный потенциал.

Раскрывая вопрос, какие органы могут заменить конституционные (уставные) суды субъектов РФ, стоит отметить, что полностью заменить эти органы невозможно. Конституционный Суд РФ может проверять конституционность нормативных правовых актов и договоров субъектов РФ, но только на соответствие Конституции, а после принятия поправок он правомочен путем предварительной оценки конституционности также проверять региональные законы до их подписания главами субъектов. Однако Конституционный Суд РФ до сих пор не может проверять региональные правовые акты на соответствие региональной конституции (уставу), т.е. в основном по вопросам исключительной компетенции данного субъекта РФ. Кроме того, Конституционный Суд РФ не может проверять конституционность муниципальных нормативных правовых актов. Именно эта категория составила большинство от общего числа дел, рассмотренных региональными конституционными (уставными) судами [10].

Поэтому стоит отметить, что некоторые полномочия конституционных (уставных) судов субъектов РФ были обособлены и незаменимы, а именно проверка конституционности вопросов, выносимых на референдум, разрешение

спорных вопросов о компетенции, а также контрольно-удостоверяющие полномочия.

Отдельные полномочия конституционных (конституционных) судов по-прежнему могут исполняться федеральными судами, рассматривающими дела в порядке общего нормативного контроля в административном судопроизводстве, однако перечень субъектов, которые могут обращаться в такие суды, заметно уже, чем в соответствии с региональным законодательством о конституционных правах. Кроме того, решения органов конституционной (уставной) юстиции имели прецедентный характер, в отличие от решений судов общей юрисдикции, принимаемых в рамках общего нормативного контроля.

Также полномочия конституционных (уставных) судов субъектов РФ по толкованию конституции (устава) субъекта Российской Федерации могут осуществляться региональными парламентами в рамках аутентичного толкования, хотя трактуют такой порядок реализации регионы по-разному, что во многом приводит к тому, что практика такого толкования не нашла своего применения в большинстве субъектов РФ [6].

Таким образом, авторы законопроекта в качестве альтернативы конституционным (уставным) судам предлагают субъектам Российской Федерации создать конституционные (уставные) советы при своих парламентах [21]. Отдельные субъекты Российской Федерации уже имели опыт создания таких органов или предусмотрели возможность создания одноименных палат в своих основных законодательных актах. Однако, похоже, что сейчас далеко не каждый субъект Российской Федерации решится на создание таких органов. Несмотря на то, что члены этих органов могут работать на неограниченной основе, а это значит, что затраты на их деятельность будут минимальными, тем не менее, данная форма конституционного надзора заметно уступает модели деятельности конституционных (уставных) судов из-за того, что решения этих советов не будут исполняться, т.е. быть юридически обязательными.

Подводя итог проведенному исследованию отдельных вопросов, отметим следующее.

Конституционное толкование, как показал анализ, имеет ряд отличительных черт. В частности, Конституционный Суд Российской Федерации при толковании обычного законодательства может своими актами немедленно осуществить как казуальное, так и нормативное толкование.

Однако это создает некоторые трудности, в частности, при разграничении выводов с точки зрения их регулирующего воздействия, что имеет особое практическое значение в данном контексте: невозможность конкретно определить новое нормативное регулирование в решении Конституционного Суда РФ приводит не просто к односторонневременному факту неисполнения, но и к продолжающемуся неконституционному применению нормы, нарушающей права граждан.

При этом в отношении указанной проблемы был сделан вывод, что она частично компенсируется второй особенностью конституционного толкования – нормативным толкованием, что в отличие от казуального, протекает в два последовательных этапа: устанавливаются границы поля толкования, а затем и границы нормы, то есть проходит процесс сопоставления, который отсутствует при казуальном, что и делает возможным отличить их даже в тех ситуациях, когда они присутствуют в одном судебном решении.

Глава 3 Конституционно-правовые пределы и ограничения судебного толкования нормативных правовых актов

3.1 Конституционализация судебной практики: проблема конфликта судебных инстанций и пределы конституционного толкования

На практике нередки ситуации, когда интерпретационные решения судов входят в противоречия друг с другом, притом, вопреки общераспространенному мнению, это может наблюдаться как в плоскости вертикали, так и горизонтали судебной системы: поскольку высшие судебные инстанции зачастую также демонстрируют, порой принципиально разные, подход к толкованию одних и тех же правовых положений. Кроме того, как справедливо отмечал В.Д. Зорькин, нередки ситуации так называемой «правовой конкуренции» между органами конституционного контроля различных уровней и судами других юрисдикций [27].

С учетом того, что количество дел, рассматриваемых Конституционным Судом РФ, возрастает ежегодно, уместно сделать вывод о том, что нахождение ответов на большинство правовых вопросов предполагается искать в тексте Конституции РФ. Однако, тем не менее, несмотря на логичность такого вывода на первый взгляд, в действительности же осуществить это становится практически невозможно, поскольку текст Конституции устроен таким образом, что он содержит крайне общие выражения, устанавливая лишь общие векторы, в особенности, если речь идет об общечеловеческих ценностях, правах и свободах. Тем самым, происходит ситуация, при которой интерпретация, придаваемая конституционной норме КС РФ приобретает скорее творческий характер, обрастая, как отмечают некоторые исследователи, «конституционным прецедентным толкованием», в то время как обычными судами чаще всего осуществляется традиционное толкование [101].

В этой связи, полагаем, что справедливо высказывание о том, что в настоящее время происходит конституционализация судебной практики, когда

практика толкования КС РФ отдельных норм становится даже более релевантной, чем первоначальная толкуемая норма.

Относительно же конфликта судебных инстанций, которые могут возникать при судебном толковании КС РФ отдельных норм Конституции, он также возникает не на пустом месте. В частности, это обусловлено тем, что, осуществляя конституционное правосудие, КС РФ принимает решения о соответствии того или иного законодательного положения тексту Конституции РФ, а указанные законодательные положения, в свою очередь, могут иметь различную отраслевую принадлежность, тем самым, КС РФ как бы вторгается в другие отрасли права. В этой связи верно, на наш взгляд, высказался А. Шайло, который отметил, что: «конституционное разрешение споров не влияет непосредственно на законодательные органы, но представляет собой обычное осуществление правосудия, на практике же оно распространяет конституционализм в области за пределами публичного права, а именно на уголовное, административное, а также и на частное право» [147].

Аналогичная ситуация складывается и у судов общей юрисдикции, когда они, по целому ряду вопросов, вынуждены выступать в роли конституционного интерпретатора. В качестве примера можно привести соотношения подходов КС РФ и судов общей юрисдикции к толкованию конституционного принципа правовой определенности.

Так, в целом ряде Постановлений КС РФ сформулировал принцип правовой определенности как одним из ключевых аспектов верховенства права, всегда рассматривая его в связке с принципом равенства всех перед законом и судом, поскольку залог равенства это всегда правовая ясность и недвусмысленность нормы, единообразное ее понимание всеми правоприменителями (см., например, Постановление КС РФ №11-П от 15.07.1999 г. [73], №16-П от 11.11.2003 г. [69], №1-П от 21.01.2010 г. [83] и т.д.). Однако практика судов общей юрисдикции показывает, что основу принципа правовой определенности данные суды видят в ином – в соблюдении принципа стабильности судебного решения. Об этом, в частности,

недвусмысленно говорится в Постановлении Пленума ВС РФ №21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» [97].

Данный пример разночтения интерпретаций между судебными инстанциями не единичный. В качестве еще одного примера можно привести Постановление КС РФ №14-П от 26.12.2005 года [89], которым практика Верховного Суда по сокращению сроков разрешения избирательных дел судами первой инстанции была признана нарушающей конституционные права граждан, в виду того, что данные пресекательные сроки препятствуют, по мнению КС РФ, судам кассационной и надзорной инстанций разрешать дела по существу по истечению указанных сроков, что лишает лиц, дела которых не были рассмотрены в сокращенные сроки, адекватной возможности восстановить свои нарушенные права. И указанная позиция КС РФ нашла впоследствии свое отражение в практике ВС РФ, который вынес необходимое разъяснение в Постановлении Пленума ВС РФ №5 [98], что в итоге, стало также толчком к законодательным изменения, внесенным в ГПК РФ.

Относительно законодательных попыток разрешить указанную проблему столкновения компетенций судебных инстанций, нельзя не отметить, что таковые имеются в законодательной практике РФ.

Так, в частности, ст. 3 ФКЗ №1 «О Конституционном Суде РФ» конкретизирует ст. 125 Конституции, и устанавливает монополию КС РФ на осуществление полномочий по конституционному контролю. Подчеркивает это и сам КС РФ, например, в своем Постановлении №19 от 16.06.1998 года, в котором прямо закрепляет, что: «... выводы других судов о неконституционности закона не могут сами по себе послужить основанием для его официального признания не соответствующим Конституции Российской Федерации и утрачивающим юридическую силу. В аспекте взаимодействия судов различных видов юрисдикции и разграничения их компетенции по выявлению неконституционных законов исключение последних из числа действующих актов является совокупным результатом реализации, с одной

стороны, обязанности общих судов поставить вопрос о конституционности закона перед Конституционным Судом Российской Федерации, а с другой – обязанности последнего окончательно разрешить этот вопрос» [73]. Тем самым, можно заключить, что закон установил абсолютный приоритет КС РФ перед судами общей юрисдикции и арбитражными судами, в части конечного определения юридической судьбы нормативного акта.

Однако мы полностью солидарны с позицией О. А. Кожевникова, замечаящего, что даже несмотря на все законодательные правоустановления, это все равно не снимает возможность потенциального возникновения противоречий [32], особенно, в свете того, что как мы отметили ранее в работе, у ВС РФ имеются все реальные полномочия по осуществлению нормативного толкования, а значит, гипотетически возможна ситуация, при которой такая «временная норма», созданная ВС РФ просто выпадет из поля зрения конституционной проверки, что вполне реально с учетом невозможности инициации конституционного судопроизводства в данном случае, например, по причине невозможности «установить взаимосвязь вновь образованной «временной нормы» с существующими правоположениями».

Полагаем, что первым шагом на пути к решению данной проблемы могло бы стать расширение сферы конституционного контроля, за счет включения в его предмет также руководящих разъяснений Верховного Суда РФ, и ныне действующих разъяснений ВАС РФ. Кроме того, такая практика будет для РФ не нова: до принятия ФКЗ №1 действовал Закон РСФСР №1599-1 «О Конституционном Суде РСФСР», в котором содержалось такое полномочие как проверка конституционности правоприменительной практики. Безусловно, такой подход имел и свои минусы, например, возникали трудности с определением массива судебных актов, которые относились бы к категории «правоприменительная практика», однако, его современная адаптация, с учетом устоявшихся современных представлений об оценке конституционности и ее основаниях.

Другая сторона проблемы конфликта интерпретаций заключается в противостоянии иного рода – между национальными судебными органами и ЕСПЧ. Как отмечают многие авторы, большинство положений европейских конвенций предполагают прямое действие их норм на территории того или иного государства, что вполне соотносится с общими представлениями об общеевропейской системе правосудия как о наднациональной, применимой внутригосударственными органами с целью защиты прав и свобод человека и гражданина [29].

Разумеется, любое решение Европейского суда не выносится в условиях правового вакуума, оно конкретизировано положениями индивидуальной жалобы, а с учетом того, что обязательным условием обращения в ЕСПЧ является исчерпание всех национальных способов обжалования решения, принимая свое решение ЕСПЧ руководствоваться не только конкретными фактическими обстоятельствами дела и положениями европейских конвенций, но и уже принятыми по делу национальными судами решениями, которые, в свою очередь, основаны на конституционных положениях своего государства. И основанная «проблема» заключается в том, что на повестку ставится вопрос, как Европейский суд будет толковать конституционные нормы того или иного государства, принимающего обжалуемые решения.

Попытки разработки форм взаимодействия между национальными судами и ЕСПЧ неоднократно принимались в научной литературе. Например, Л. Гарлицкий предлагал выделять две формы такого взаимодействия, основанные на «едином (или близком) взгляде на возникшую правовую проблему, отличие которых состоит в том, кто стал инициатором выработки унифицированной позиции» [15]. Однако справедливости ради, нельзя не отметить, что, хотя такие модели и используются на практике чаще всего, мы не можем исключать также и возникновение ситуации, которую другой автор, А.Ю. Бушева именуется «конфликтом». Так, автор пишет следующее: «... несмотря на то, что в последние годы Европейский Суд и Конституционный Суд Российской Федерации многократно и весьма уважительно ссылались в своих

актах на правовые подходы друг друга по вопросам, отраженным как в Конвенции о защите прав и основных свобод, так и в Конституции Российской Федерации (в целом – диалог налачился), существуют и достаточно серьезные интерпретационные расхождения в весьма болезненных для Российского государства вопросах» [11].

Наличие непримиримых противоречий, о которых говорит автор, можно проследить на примере дела «Константин Маркин против России» [64], достаточное провокационное решение ЕСПЧ по делу «ЮКОС» против России» [95], медийная история «по делам «Кимля и другие против России» [93], и пр. Особенно выделяется в этом ряду Постановление Палаты ЕСПЧ от 04.07.2013 года по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» [94], в котором ЕСПЧ фактически взял на себя функции по признанию не соответствующим Конвенции положения Конституции РФ, то есть предпринял попытку прямой интерпретации Основного закона другого государства.

Пытаясь найти плюсы такого активизма ЕСПЧ, многие авторы справедливо указывают на то, что сам по себе он проблемой не является, однако, если он выходит за определенные рамки, в частности, ставит под сомнение действующий национальный правовой порядок, и вступает в противоречие с решением органа конституционного контроля, это вполне можно рассматривать как очевидно недопустимую, конфликтную ситуацию [106].

Дабы решить эту проблему, российская сторона уже предприняла ряд попыток обеспечить стабильность национального законодательства. В частности, в Постановлении КС РФ №27-П от 06.12.2013 года говорится, что: «... если суд общей юрисдикции придет к выводу о невозможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека без признания не соответствующими Конституции Российской Федерации законоположений, относительно которых ранее Конституционный Суд Российской Федерации констатировал отсутствие нарушения ими конституционных прав заявителя в конкретном деле, он правомочен приостановить производство и обратиться

в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности этих законоположений» [66].

На законодательном уровне также было предпринято несколько попыток защитить национальный правопорядок. В частности, в 2014 году был вынесен ФКЗ №9 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» [120], которым установлен фактически приоритет национального конституционного толкования над конвенциональным, а также установлено новое основание для повторного рассмотрения дела КС РФ.

Ограничил возможности расширительного толкования Европейским судом (применительно к Венской конвенции, но данное положение в равной степени можно рассматривать как запрет дискреционных полномочий ЕСПЧ в отношении любого иного конвенционального правового регулирования) Конституционный Суд РФ в своем Постановлении №21-П, в котором прямо указано следующее: «... Что касается позиции самого Европейского Суда по правам человека относительно реализации выносимых им постановлений, то он полагает, что конкретные средства, с помощью которых в рамках национальной правовой системы будет исполняться возлагаемое на государство-ответчика в соответствии со статьей 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод правовое обязательство, избираются, по общему правилу, самим государством-ответчиком при условии, что эти средства будут совместимы с выводами, содержащимися в соответствующем постановлении Европейского Суда по правам человека; разрешать же вопросы толкования и применения национального законодательства должны национальные органы власти, а именно судебные органы; такая дискреция в отношении способа исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека отражает свободу выбора, присущую вытекающей из статьи 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод основополагающей обязанности государств-участников обеспечивать определенные ею права и свободы» [71].

Также, в рамках данного Постановления КС РФ прямо указал, что: «Если постановление Европейского Суда по правам человека, вынесенное по жалобе против России, основано на толковании положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, приводящем к их противоречию с Конституцией Российской Федерации, такое постановление - по смыслу статей 4 (часть 2), 15 (части 1 и 4), 16 (часть 2) и 79 Конституции Российской Федерации - не может быть исполнено» [71].

При этом важно также отметить, что решать вопрос об исполнимости или неисполнимости международного судебного решения, согласно внесенным ФКЗ №7 изменениям, вправе лишь Конституционный Суд РФ. Однако положения такого нововведения вызывают некоторые вопросы, в частности, по причине их несоответствия между собой. Так, если ч.ч. 1-6 ФКЗ №7 фактически устанавливают новую процедуру, вынесение решения КС РФ в виде постановления о возможности (невозможности) исполнения решения международного органа по защите прав и свобод человека, то ч. 7 и 8 допускают корректировку уже существующей процедуры официального толкования, итогом которой будет вынесение решения «устраняющее неопределенность в их понимании...» [122].

С учетом сказанного, полагаем, имеется все основания говорить о том, что введенное правовое регулирование конституционной процедуры гармонизации толкования, осуществляемого КС РФ и международными судами, очевидно, нуждается в корректировках. На наш взгляд, они могли бы включать в себя введения самостоятельной отдельной процедуры по констатации несоответствия интерпретации межгосударственного органа действующим конституционным положениям, осуществляемой с помощью двухуровневого нормативного толкования, однако окончательное решение о невозможности исполнения такого международного решения, как мы полагаем, должно находиться в компетенции органа исполнительной власти, на которое возложено его исполнение, но никак не являться компетенцией КС РФ, которое должно иметь строго ограниченные пределы.

В связи с обозначенной проблематикой, также хотелось бы кратко затронуть вопросы существующих пределов конституционного толкования. Несмотря на то, что какой-либо унифицированный акт, свод правил, в котором формулируются те или иные predetermined результаты толкования, не представлен в российской законодательной практике (и справедливости ради отметим, что в зарубежной тоже), это вовсе не означает, что интерпретационное поле суда не имеет никаких ограничений и свобода интерпретатора безгранична.

Так, всеми без исключения исследователями первичным ограничителем интерпретационного поля называются границы конституционных норм, соответствие которым и устанавливает КС РФ [17]. Однако такое определение границ толкования видится нам также несколько неточным, поскольку границы конституционных норм, в виду их заточенности под обобщающие, основополагающие критерии – также могут быть крайне абстрактны и размыты. В этой связи, полагаем, лучшим вариантом будет руководствоваться, при определении ориентиров интерпретационных границ, рядом принципов, часть из которых уже являются частью правовой системы.

Так, одним из таких принципов выступает принцип добросовестности законодателя. Конституционный Суд РФ неоднократно в своих постановлениях обращался к данному принципу, никак его не конкретизируя, однако исходя из смысла, который был предан указанному принципу в Постановлении КС РФ №22-П от 20.12.2010, следует, что добросовестность законодателя предполагает осуществление его правотворческой функции исходя из положений Конституции РФ, в интересах граждан: «Исходя из презумпции добросовестности законодателя и его приверженности общеправовым и конституционным принципам, обладающим, как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, высшей степенью нормативной обобщенности, определяющим содержание конституционных прав человека и отраслевых прав граждан, носящим универсальный характер и в связи с этим оказывающим регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений...» [81].

Формулировка презумпции добросовестности законодателя собственно и предопределяет компетенции КС РФ, который при оценке законодательных положений должен соотносить их с положениями Конституции, так как суть презумпции именно в том, что при создании закона, законодатель стремится в первую очередь к тому, чтобы он не противоречил тексту Конституции РФ. Тем самым, данный принцип позволяет КС РФ, при осуществлении интерпретации, как бы абстрагироваться от смысла, вкладываемого в норму законодателем, а оценивать ее объективно соотнося с Конституцией, то есть почти исключает возможность произвольного толкования, обязывая КС РФ находить подтверждение своим аргументам.

Существует также схожий с вышеуказанным принцип, вытекающий из него – принцип конституционности нормативно-правовых актов. Иными словами, предполагается, что КС РФ при осуществлении толкования необходимо также преодолевать презумпцию изначальной конституционности закона (его нормы), так как априори все выносимые нормативно-правовые акты считаются соответствующими конституционным положениям, пока не будет доказано обратного. И, несмотря на схожесть принципа конституционности нормативно-правовых актов с принципом добросовестности законодателя, они не являются тождественными: первый принцип только тогда вступает в действие, когда будет опровергнута презумпция первого, то есть если КС РФ установит достаточно аргументов, что законодатель действовал недобросовестно, он перейдет ко второй стадии анализа – опровержения презумпции «безупречности» самого нормативного правового акта с точки зрения его конституционности. На этой стадии объектом анализа уже становится совокупность смыслов, то есть КС РФ оценивает возможные первоначальные смыслы, которые законодатель вкладывал в данную норму [113].

Если предыдущая интерпретационная стадия разрешится не в пользу оспариваемого акта (нормы), и КС РФ придет к выводу о несоответствии смысла акта или нормы Конституции, он приступит к финальной стадии аргументации, на которой действует уже принцип конституционной сдержанности. Действие

данного принципа можно проследить на нескольких примерах Постановлений КС РФ.

Так, например, интерпретировал нормы ФЗ «О минимальном размере оплаты труда» КС РФ с учетом принципа сдержанности в Постановлении №11-П от 27.11.2008 г., в котором указал следующее: «Вместе с тем, поскольку применение для исчисления минимального размера платежей по договорам пожизненной ренты и пожизненного содержания с иждивением непосредственно минимального размера оплаты труда в сумме, указанной в статье 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда», противоречило бы воле законодателя, прямо выраженной в статье 3 названного Федерального закона, Конституционный Суд Российской Федерации, исходя из принципа конституционной сдержанности, который лежит в основе его деятельности, и руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75, статьями 79 и 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», считает возможным установить, что положение части второй статьи 5 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда», признанное настоящим Постановлением не соответствующим Конституции Российской Федерации, утрачивает силу с момента введения в действие нового правового регулирования, которое законодатель обязан принять в первоочередном порядке не позднее 1 июля 2009 года» [90].

Немного другой лексический оборот для того же по сути понятия используется и судья Г.А. Гаджиев в особом мнении к Постановлению КС РФ №8-П от 27.03.2012 года, указывая следующее: «... Конституционный Суд в своей деятельности должен проявлять определенную умеренность, к чему его обязывают принципы Конституции Российской Федерации, и прежде всего, принцип конституционной сдержанности и принцип народовластия. В силу этих принципов поиск баланса между конфликтующими правовыми ценностями должен осуществляться представительным органом власти» [63].

Подводя итог изученному выше, отметим следующее. Проблема конфликта инстанций при осуществлении интерпретационной деятельности

имеет огромное практическое значение, поскольку разночтение судебной практики, как известно, приводит к дестабилизации единообразия правоприменения, а это, как итог, становится угрозой и реализации принципа верховенства права в целом. Соответственно, конкуренция интерпретаций – это очевидно, негативное явление, с которым необходимо бороться, и как показало проведенное исследование, эффективным способом решения этой проблемы должно стать установление некой иерархии интерпретации, с наделением высший судебный орган (Конституционный Суд РФ) соответствующими полномочиями по оценке законности всех принимаемых решений, в качестве последней инстанции. Так же, как показывает эффективно функционирующая зарубежная практика, разрешить проблематику конкурирующего толкования между непосредственным КС РФ и судами общей юрисдикции можно было бы путем введения института конституционной жалобы, по итогам которой КС РФ был бы правомочен исправлять результат ординарного судебного толкования. Сейчас же, в отсутствии законодательного механизма порядка исправления ошибок, КС РФ вынужден при констатации не конституционности акта или нормы, в своих решениях декларировать необходимость пересмотра судебных актов по делам лиц, которые даже не являлись заявителями по делу, что, разумеется, создает почву для интерпретационного конфликта между судебными инстанциями.

Еще одним спорным моментом была обозначена коллизия толкования между КС РФ и ЕСПЧ. В настоящее время, и законодатель и КС РФ делают верные шаги на пути охраны и защиты национальной правовой системы, устанавливая приоритет Конституции над нормами международного характера, и оставляя за КС РФ право последнего слова в выборе применимого права. РФ при всем при этом не отрицает фундаментальное значение европейской системы защиты прав и свобод человека, готова к поискам компромиссов, однако, совершенно правомерно на наш взгляд, закрепляет, что границы такого компромисса должен очерчивать национальный орган конституционного контроля (КС РФ).

Равно как и установление границ собственных полномочий (так называемого интерпретационного поля) – играет не менее важную роль в решении вопроса конфликта интерпретаций. Было отмечено, что наличие критериев определения таких границ, на законодательном уровне, позволит придать интерпретационной деятельности судов объективный характер, и устранил проблему отсутствия единообразия в правоинтерпретационной деятельности. Полагаем, решить эту проблему можно также и на более локальном уровне – путем выработки самим КС РФ положений по методологии толкования, поскольку в таком вопросе особенно важна инициатива самого суда как ключевого субъекта интерпретации. За основу критериев определения границ интерпретационной деятельности предлагаем взять три ключевых признака: проверку акта (нормы) на наличие (опровержение) презумпции добросовестности законодателя, конституционности нормативно-правового регулирования, и конституционной сдержанности (умеренности).

3.2 Роль судебного толкования в современной правовой системе РФ

В виду того, что отчасти этот вопрос уже был рассмотрен в предыдущих главах нашего исследования, в частности, при соотношении интерпретационного функционала судебной власти и иными ветвями власти, с учетом особой актуальности и значимости вопроса соотношения таких видов толкования как ординарное и аутентичное, полагаем, в рамках данного параграфа уместно было бы более подробно осветить их роль в современной правовой системе РФ. Особое внимание стоит, на наш взгляд, уделить не столько самой возможности судебных органов осуществлять такое толкование, сколько юридическую природу и содержание подобных интерпретационных актов, а также их место в иерархии нормативно-правовых актов в целом.

Так, поскольку единственной формой аутентичного толкования правотворческими органами издаваемого акта, в отсутствии самостоятельной

конституционной процедур для этого, в современных реалиях является лишь внесение изменений в действующий акт, возникает вопрос о сопоставлении юридической силы и значимости такого способа интерпретации с результатами нормативного судебного толкования. В качестве примера можно привести следующую ситуацию, имевшую место быть на практике.

Так, рассматривая конституционность норм о привлечении депутатов ГД к ответственности, КС РФ В своем Постановлении №5-П от 20.02.1996 г. отметил следующее: «... Из смысла статьи 98 и пункта 9 раздела второго «Заключительные и переходные положения» Конституции Российской Федерации вытекает, что неприкосновенность парламентария не означает его освобождения от ответственности за совершенное правонарушение, если такое правонарушение совершено не в связи с осуществлением собственно депутатской деятельности. Поэтому с соблюдением ограничений, предусмотренных статьей 98 Конституции Российской Федерации, в отношении парламентария допустимо осуществление судопроизводства на стадии дознания и предварительного следствия или производства по делам об административных правонарушениях вплоть до принятия решения о передаче дела в суд без согласия соответствующей палаты Федерального Собрания» [79].

Таким образом, КС РФ пришел к выводу о не конституционности данных законодательных положений, обязав в резолютивной части решения правотворческие органы, разрешить вопрос о допустимости проведения следственных действий в отношении парламентариев.

Однако в 2012 году, внося соответствующие изменения в УПК РФ, законодатель ФЗ №310 [119] дополнил п. 1 ч. 1 ст. 488 УПК РФ положением о том, что на возбуждение дела в отношении члена СФ, депутата ГД необходимо получать согласие соответствующей палаты, по соответствующему представлению Генерального Прокурора РФ. Следовательно, как нетрудно заметить, указанное нововведение не в полной мере соответствует изложенному в КС РФ в Постановлении №5 предписанию, то есть произошло расхождение аутентичного толкования и ординарного толкования.

Практика показывает, что приоритет все же отдается законодательным установлениям. В отношении вышеприведенного примера это можно продемонстрировать случаями действительного обращения Генерального прокурора РФ к ГД за получением согласия на возбуждение уголовного дела, в 2014 году в отношении А.В. Митрофанова, в 2015 году в отношении И.В. Пономарева, и т.д.

Еще один пример разницы толкований можно продемонстрировать на примере подходов к толкованию пассивного избирательного права. Так, КС РФ в Постановлении № 20-П от 10.10.2013 года отметил, что: «... Сроки ограничений пассивного избирательного права, вводимые Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», по общему правилу, должны устанавливаться соответственно дифференциации сроков судимости, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, а соразмерность ограничений пассивного избирательного права предполагает не одно только исключение бессрочности запрета на его реализацию; при наличии определенного, достаточно продолжительного, срока ограничения данного права соразмерность должна обеспечиваться не за счет одного лишь его законодательного распространения на категории тяжких и особо тяжких преступлений, но и посредством индивидуализации назначаемого судом наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности преступления, относящегося к указанным категориям, обстоятельствам его совершения и личности виновного» [68].

В разрез этой позиции, ФЗ №19 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав» были внесены изменения, с указанием на то, что «... не имеют права быть избранными граждане Российской Федерации, осужденные к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений и имеющие на день голосования на выборах неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления», а также п. 3.2 был

дополнен указаниями: «... не имеют права быть избранными также граждане Российской Федерации, осужденные к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, судимость которых снята или погашена, – до истечения десяти лет со дня снятия или погашения судимости; осужденные к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений, судимость которых снята или погашена, – до истечения пятнадцати лет со дня снятия или погашения судимости» [118].

Из данных законодательных изменений, очевидно, что законодатель слишком буквально воспринял мысль, изложенную КС РФ, не восприняв действительный смысл, вложенный в интерпретацию судом. И преследующая практика, как и с предыдущим примером, демонстрирует, что воспринимается исключительно законодательный подход (см., например, Определение КС РФ №1216-О [56]).

Кратко резюмируя вышеприведенные примеры, можно заключить, что проблема соотношения судебного ординарного и аутентичного законодательного толкования имеет место быть, и основана она, в первую очередь, на неясной иерархии толкуемых актов. Законодательно закрепляя за Конституционным судом монополию на осуществление конституционной интерпретации, законодатель, тем самым, наделяет решения, принимаемые КС РФ признаками нормативности и неким юридическим приоритетом. Кроме того, осложняет ситуацию и тот факт, что у КС РФ, при принятии решения о несоответствия той или иной нормы Конституции, помимо полномочий «указать на возможность прямого применения конституционных положений» и «указать на возможность использования правовой аналогии», также имеется такое, конкурирующее с аутентичным толкованием, полномочие, как «установить временный порядок правового регулирования» [112]. Тем самым, конечный правоприменительная, будь то суды нижестоящей инстанции, юрисдикционные органы или просто граждане, ставятся перед сложным выбором: руководствоваться позициями КС РФ или применять акт аутентичного толкования.

В качестве варианта решения данной коллизии, чаще всего, в научной литературе предлагается отдавать приоритет актам аутентичного толкования. Как отмечает в качестве аргументации такой позиции И.А. Минникес, «согласно ст. 79 ФКЗ о КС, позиция Конституционного Суда, выраженная в постановлении всего, лишь подлежит учету правоприменительными органами, а также в определенном смысле ориентирует будущую нормотворческую деятельность по данному вопросу. Между тем реализация конкретных мер, а также выбор содержания принимаемых в результате подобных мер нормативных актов является исключительной прерогативой правотворческого органа» [45].

Продолжая рассуждать в таком ключе, другой автор, В. А. Лазарева, не исключая возможность возникновения интерпретационных коллизий (как тех, что мы продемонстрировали ранее), предлагает решать их путем «... нового обращения в Конституционный Суд с вопросом о проверке соответствия аутентичного толкования конституционным положениям» [37].

Позволим себе не согласиться ни с одним из вышеприведенных мнений. В первую очередь, такое челночное «перебрасывание» между КС РФ и законодателем, с приоритетом решения последнего, будет являться попросту бессмысленным с юридической точки зрения действием, поскольку если, по мнению авторов, априори окончательное решение будет оставаться за актом аутентичного толкования, любое интерпретационное решение КС РФ может преодолеваться любым последующим законодательным решением.

Именно по этой причине, мы считаем, что необходимо придавать актам толкования КС РФ приоритетное значение над актами аутентичного толкования. И частично, это способствует уже существующая нормативно-правовая база, в частности, ч. 2 ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», которая говорит о том, что «юридическая сила постановления о признании акта неконституционным не может быть преодолена повторным принятием этого же акта» [123]. Однако все же, в основной своей массе, положения данного ФКЗ о юридической силе решений КС РФ по-прежнему остаются крайне пространными и неточными, а потому, требующими корректировки.

В частности, мы считаем правильным закрепить положение о том, что «позиции Конституционного Суда, содержащие нормативное толкование ординарного законодательства, имеют обязательную силу для законодательных и правоприменительных органов».

По вопросам же соотношения аутентичного толкования с судебным толкованием, данным ВС РФ, стоит отметить, что поскольку Верховный Суд РФ крайне ограничен в своих полномочиях, и не вправе применять конституционные положения для восполнения пробелов в праве (только для их преодоления), все вынесенные им решения, в отличие от решений КС РФ, имеют свойство так называемой «исчерпаем нормативности», то есть необходимость их применения исчерпывается принятием соответствующего законодательного акта, устраняющего выявленный ВС РФ пробел. Соответственно, даже в теории сложно предположить, что руководящее объяснение, данное Верховным судом на основе старой редакции закона, будет иметь приоритет над новой нормой закона.

В заключение исследования роли судебного толкования в современной правовой системе РФ, отметим следующее. Как показало исследование, в качестве нормативной основы действующей правовой системы выступает именно законодательство (нормативные правовые акты). Однако на практике нередки ситуации, когда действующего в государстве нормативно-правового регулирования объективно недостаточно для корректного функционирования института правоприменения. Более того, нельзя и идеализировать нормативно-правовое регулирование, которое подчас бывает противоречивым и даже пробельным. Именно для решения указанных задач допустимо применение временной меры преодоления таких проблем – либо института судебного толкования в форме разъяснений ВС РФ и ВАС РФ, имеющих признаки исчерпываемой нормативности, либо института аутентичного толкования (внесения изменения в закон органов, его вынесшим).

Как удалось прийти к выводу в ходе исследования, положения акта аутентичного толкования будет иметь приоритет над такими временными

указаниями высших судебных инстанций. Исключение составляют лишь акты толкования Конституционного Суда. Сама специфика органов конституционного контроля, а также сущность конституционно-интерпретационного процесса говорят о том, что принятие правотворческим органом акта, который бы преодолел по своему содержанию акт толкования КС РФ, попросту невозможно, так как результатом интерпретационной деятельности КС РФ всегда является истолкование нормативного акта согласно положениям Конституции РФ, закрепляющей свое верховенство в системе законодательства РФ.

Не рассматривая законодательную ветвь власти и органы конституционного контроля как сугубо противоборствующие, хотелось бы отметить, что их взаимодействие, в большинстве своем, с учетом принципа разделения властей, и действия системы сдержек и противовесов, осуществляется на принципах взаимоуважения и сотрудничества, а потому, полагаем, что это должно отразиться также в конкретизации соответствующих законодательных положений о юридической силе решений КС РФ, разумеется, с учетом тех пределов и границ интерпретационного поля, которые были обозначены ранее.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию конституционно-правового аспекта судебного толкования нормативно-правовых актов, удалось сделать ряд теоретически значимых и практически важных выводов.

Так, было отмечено, что в настоящее время приходится констатировать отсутствие единообразия в понимании как процесса толкования права в целом, так и процесса судебного толкования, его роли и содержания в частности. Обобщив все изученные подходы, которые без сомнения, являются своеобразным отражением своего времени (эпохи), удалось подытожить, что, в общем и целом, наблюдается следующая тенденция определять аспекты толкования права: в-первую очередь, это уяснение содержания нормы интерпретатором, и во-вторых, разъяснение уясненного смысла заинтересованным лицам.

Первая «ступень» толкования – уяснение, составляет его основу, заключается во внутреннем осознании сущности интерпретируемого, а потому, объективно-выраженного результата иметь не может. Однако говоря именно о стадии уяснения, мы говорим о грамматическом, логическом, историческом или систематическом способах толкования. В свою очередь, второй этап толкования – разъяснение, представляет собой продолжение ранее начатого мыслительного процесса, но уже в форме формализации полученной интерпретации в материальных источниках (применительно к плоскости судебного толкования – в форме судебного решения).

Как результат осмысления сказанного, было сформулировано авторское понятие толкованию права как «сложному волевому процессу, заключенному в определении точного смысла нормы права, с целью обеспечить ее правоприменение к конкретным правоотношениями или обеспечить возможность такого правоприменения».

Относительно методики толкования права было отмечено, что она является важнейшим инструментарием, в особенности, в судебной деятельности,

перед которой стоят задачи разрешать юридические вопросы относительно любой отрасли права. При этом в настоящее время, доктрина права не готова предложить какого-либо единого, универсального метода толкования правовой нормы, который не зависел бы ни от цели толкования, ни от субъекта толкования, ни от способа интерпретации. Следовательно, пока такого метода еще не разработано, и вряд ли это реализуемо в ближайшем будущем, мы говорим о наличии целой системы методов толкования, которые имеют свои процедурные особенности, приводят к различным результатам. Однако всех их объединяет до сих пор не разрешенная проблема обширности интерпретационного поля, и как итог, множественности смыслов, которые выделяются в результате применения того или иного варианта интерпретации, а потому, аргументированность и легальность выбора того или иного метода толкования как единственно верного, конечного – остается на субъективное усмотрение самого суда.

Подводя общий итог исследованию концепции осуществления толкования нормативно-правовых актов различными органами, в зависимости от их принадлежности к той или иной ветви власти, было замечено, что законодатель, учитывая особую роль толкования как эффективного инструмента корректировки действующего нормативного регулирования, к которому не стоит прибегать без особой надобности, должен, на наш взгляд, предъявлять особо жесткие требования как к субъектам осуществления данной процедуры, так и к процессу ее осуществления. Так, например, в отношении субъектов толкования, с точки зрения практики разделения властей, было отмечено, что в РФ прерогативой толкования нормативно-правовых актов все же обладают судебные органы, полномочия которых в полной мере позволяют реализовать весь потенциал данной конституционной процедуры.

В отношении же роли законодательных и исполнительных органов процессе толкования, стоит констатировать, что, к сожалению, поскольку в действующем законодательстве отсутствует императивное закрепление принципа приоритета данной функции за судебной властью, постольку

и законодательные, и исполнительные органы также наделены такими полномочиями, что приводит к целому ряду практических проблем, избежать которые, на наш взгляд, поможет корректировка законодательства в этой части.

Для решения указанной проблемы нами было предложено исключить на законодательном уровне возможность осуществлять легальное толкование указанными субъектами.

Толкование нормативных правовых актов судами общей юрисдикции и арбитражными судами, как показало исследование, – является неотъемлемой частью их судебной правоприменительной деятельности. Однако в данном случае уместно говорить исключительно об осуществлении казуального толкования, не влекущего никаких последствий для правовой системы в целом. Если же говорить, по большей части, о правотворческой деятельности вышестоящих судебных инстанций, то в данном контексте, как был сделан вывод в ходе исследования, уместнее использовать понятия «нормативное толкование», поскольку в силу закрепленных за ними полномочий (в настоящее время, это исключительно Верховный Суд РФ), они участвуют в реализации функций по разъяснению и толкованию судебной практики, обеспечении единообразия ее применения. Осуществляется на практике это с помощью вынесения общеобязательных, строго формализованных, не подлежащих обжалованию постановлений Пленума ВС РФ (такая нормативная правовая природа в равной степени справедлива и в отношении не утративших силу постановлений Пленума ВАС РФ).

Подводя же итог исследованию отдельных вопросов толкования нормативных правовых актов, осуществляемого в конституционном судопроизводстве, удалось прийти к выводу, что конституционное толкование имеет ряд отличительных, от толкования судами общей юрисдикции и арбитражными судами, черт.

В частности, Конституционный Суд РФ, при толковании ординарного законодательства, одним своим актом может сразу осуществить и казуальное, и нормативное толкование. Между тем, как показал анализ, это создает

и некоторые сложности, например, при разграничении выводов с точки зрения их регулятивного воздействия, что имеет особое практическое значение в данном контексте: невозможность конкретно определить новое нормативное регулирование в решении КС РФ приводит не просто к единоразовому факту неисполнения решения, но и к продолжающемуся неконституционным применением нормы нарушению прав граждан.

Относительно данной проблемы был сделан вывод, что она частично нивелируется второй особенностью конституционного толкования – нормативное толкование, в отличие от казуального, протекает в два последовательных этапа: устанавливаются границы интерпретационного поля, а затем границы интерпретируемой нормы, то есть проходит процесс сопоставления, который отсутствует при казуальном, что и делает возможным отличить их даже в тех ситуациях, когда они присутствуют в одном судебном решении.

При этом, также было предложено закрепить на законодательном уровне концепцию приоритета ординарного толкования, выраженного в решениях КС РФ над актами аутентичного толкования. Это предложение, на наш взгляд, должно отразиться в конкретизации соответствующих законодательных положений о юридической силе решений КС РФ, в тексте ФКЗ «О Конституционном Суде РФ».

Так же, как показало исследование, огромное практическое значение имеет проблема конфликта инстанций при осуществлении интерпретационной деятельности, поскольку разночтение судебной практики, как известно, приводит к дестабилизации единообразия правоприменения, а это, как итог, становится угрозой и реализации принципа верховенства права в целом.

Соответственно, конкуренция интерпретаций это очевидно, негативное явление, с которым необходимо бороться, и как показало проведенное исследование, бороться с которым, как мы сделали вывод, можно путем установления иерархии интерпретации, с наделением высшего судебного органа (Конституционного Суда РФ) соответствующими полномочиями по оценке законности всех принимаемых решений, в качестве последней инстанции.

Так же, как показал анализ зарубежной практики, разрешить проблематику конкурирующего толкования между непосредственным КС РФ и судами общей юрисдикции можно было бы и путем введения института конституционной жалобы, по итогам которой КС РФ был бы правомочен исправлять результат ординарного судебного толкования. Сейчас же, в отсутствии законодательного механизма порядка исправления ошибок, КС РФ вынужден при констатации не конституционности акта или нормы, в своих решениях декларировать необходимость пересмотра судебных актов по делам лиц, которые даже не являлись заявителями по делу, что, разумеется, создает почву для интерпретационного конфликта между судебными инстанциями.

Еще одним спорным моментом была обозначена коллизия толкования между КС РФ и ЕСПЧ. Однако в настоящее время и законодатель, и КС РФ делают верные шаги на пути охраны и защиты национальной правовой системы, устанавливая приоритет Конституции над нормами международного характера, и оставляя за КС РФ право последнего слова в выборе применимого права.

В отношении же проблематики установления границ собственных полномочий (так называемого интерпретационного поля), было отмечено, что наличие критериев определения таких границ, на законодательном уровне, позволит придать интерпретационной деятельности судов объективный характер, и устранил проблему отсутствия единообразия в правоинтерпретационной деятельности.

Полагаем, решить эту проблему можно также и на более локальном уровне – путем выработки самим КС РФ положений по методологии толкования, поскольку в таком вопросе особенно важна инициатива самого суда как ключевого субъекта интерпретации. За основу критериев определения границ интерпретационной деятельности предлагаем взять три ключевых признака: проверку акта (нормы) на наличие (опровержение) презумпции добросовестности законодателя, конституционности нормативно-правового регулирования, и конституционной сдержанности (умеренности).

Список используемой литературы и используемых источников

1. Авакьян С. А. Нормативное значение решений конституционных судов // Вестник Московского университета. 2004. № 4. С. 25.
2. Авакьян С. А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Материалы международной научной конференции. М., 2008. С. 116.
3. Акчурин А. Р. Конституционные процедуры: сущность и принципы // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. № 11. С. 89.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Российская газета. 2002. 27 июля; 2023. 21 марта.
5. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: ИНФРА-М. 2004. С. 74.
6. Бекленищева А. А. Об упразднении конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Уральский форум конституционалистов. 2021. № 1. С. 151.
7. Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда Российской Федерации как источников права // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 76.
8. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма, 2011. С. 101.
9. Бошно С. В. Толкование норм права: приемы и виды // Право и образование. 2020. № 1. С. 150.
10. Бурдуков М. Ю. Ликвидация конституционных (уставных) судов субъектов РФ: проблемы и перспективы // Уральский журнал правовых исследований. 2021. № 4(17). С. 11.
11. Бушев А. Ю. Постановления Европейского Суда по правам человека и Конституция Российской Федерации: конфликт компетенций // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2017. № 9. С. 4.
12. Васьковский Е. В. Цивилистическая методология: Учение о толковании и применении гражданских механизмов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 81.

13. Винокуров В. А. Подмена нормативных правовых актов рекомендациями // Теория государства и права. 2022. № 2(27). С. 71.

14. Вольф С. П. Юридическая герменевтика в XXI веке: подходы к толкованию права // Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Омск, 2017. С. 8.

15. Гарлицкий Л. Сотрудничество и конфликт (несколько наблюдений из практики взаимодействия Европейского Суда по правам человека и национальных органов конституционного правосудия) // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 1(54). С. 43.

16. Гук П. А. Толкование и конкретизация норм и принципов права судебными органами // Известия высших учебных заведений. 2020. № 4(56). С. 34.

17. Гусейнова К. Ш. Принципы конституционного толкования // Евразийский союз ученых. 2020. № 8-4. С. 43.

18. Джагарян А. А. Конституционное правосудие как фактор преобразования российской модели местного самоуправления // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 4. С. 16.

19. Еремин А. Р. Актуальные проблемы ведомственного правотворчества // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 2. С. 14.

20. Ермушова Я. В. Ведомственное правотворчество в современном понимании // Фемида. 2022. № 1. С. 117.

21. Жеребцова Е. Е. К вопросу о необходимости активизации процесса формирования конституционного (уставного) правосудия в субъектах Российской Федерации // Общество и право. 2020. № 1(51). С. 44.

22. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Российская газета. 2020. 16 марта.

23. Закон Санкт-Петербурга от 02.10.2003 г. № 522-77 «Об официальном толковании Устава Санкт-Петербурга, законов Санкт-Петербурга» // Вестник Администрации Санкт-Петербурга. 2003. №11. Ст. 12.

24. Закон Санкт-Петербурга от 04.01.2002 г. № 889-01 «О толковании абзаца первого пункта 4 и пункта 5 статьи 30 Закона Санкт-Петербурга «О государственной службе Санкт-Петербурга, лицах, замещающих государственные должности Санкт-Петербурга, и государственных служащих Санкт-Петербурга» // Вестник Администрации Санкт-Петербурга. 2002. № 2. Ст. 13.

25. Закон Санкт-Петербурга от 29.09.2005 г. № 3-4/06 «Об официальном толковании пунктов 1, 3, 4 статьи 17 Закона Санкт-Петербурга «Об Уставном суде Санкт-Петербурга» // Вестник Администрации Санкт-Петербурга. 2005. № 10. Ст. 8.

26. Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М.: Инфра-М, 2011. С. 514.

27. Зорькин В. Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3(45). С. 1

28. Интервью Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, профессора, доктора юридических наук В. А. Туманова журналу «Государство и право» // Государство и право. 1995. № 9. С. 6-7.

29. Карасев Р. Е. Верховенство Конституции Российской Федерации при исполнении решений Европейского суда по правам человека: теория и практика // Государство и право. 2020. № 2. С. 91.

30. Князькин С. И. Единство судебной практики и средства его обеспечения // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 161.

31. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. №21-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // Российская газета. 2015.11 марта; 2023. 21 февраля.

32. Кожевников О. А. Конституционализация судебной практики как одно из направлений обеспечения ее единства // Сборник материалов национальной научно-практической конференции. Чита, 2021. С. 29.

33. Колюшин Е. И. О квазиисуществовании решений Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 3. С. 56.

34. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря; 2020. 04 июля.

35. Кравец И. А. О правовой природе конституционной герменевтики // Право и политика. 2003. № 1(37). С. 18.

36. Лазарев В. В. Место и роль суда в правовой системе // Журнал российского права. 2017. № 5. С. 18-19.

37. Лазарева В. А. Проблемы соотношения аутентичного толкования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1. С. 15.

38. Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. С. 21.

39. Люблинский П. И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. М.: Зерцало, 2004. С. 97.

40. Люблинский П. И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. М.: Зерцало, 2004. С. 190.

41. Малютин Н. С. Проблема нормативности решений Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 1. С. 74.

42. Малютин Н. С. Судебное толкование нормативных правовых актов в Российской Федерации: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 34.

43. Малютин Н. С. Судебное толкование нормативных правовых актов в Российской Федерации: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 49.

44. Малюшин А. А. Конституционно-судебное правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики: монография. М.: Юрист, 2013. С. 97.

45. Минникес И. А. Аутентическое (авторское) толкование: теоретико-правовой и конституционно-правовой аспекты // Право. Журнал высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 38.

46. Минникес И. А. Проблемы эффективности судебного толкования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3(82). С. 113.
47. Миронов В. О. О толковании права // Право и государство: теория и практика. 2020. № 5(185). С. 24.
48. Миронов Д. Н. Интерпретационная деятельность конституционного суда Российской Федерации // Право и политика. 2020. № 1. С. 188.
49. Мирошниченко Д. А. Аутентическое толкование (интерпретация) в деятельности законодательных органов: проблемы правового осуществления // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2019. № 2(11). С. 131.
50. Михайловский И. В. Очерки философии права. Томск: В. М. Посохин, 1914. С. 361.
51. Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат, 1960. С. 325.
52. Несмеянова С. Э. Судебная практика Конституционного Суда Российской Федерации с комментариями. М.: Проспект, 2019. С. 330.
53. Озерский А. П. Новая концепция правосудия во второй половине XIX века // История государства и права. 2008. № 7. С. 37-38.
54. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ № ВАС-16583/13 – Режим доступа: URL:<https://ras.arbitr.ru> (дата обращения: 08.04.2023).
55. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ № ВАС-19729/13 – Режим доступа: URL:<https://ras.arbitr.ru> (дата обращения: 08.04.2023).
56. Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2015 г. № 1216-О // Консультант плюс. СПС.
57. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.1995 г. № 69-О // Российская газета. 1995. 22 ноября.
58. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.1995 г. № 69-О // Российская газета. 1995. 22 ноября.
59. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г. А. Жилина к Постановлению Конституционного Суда РФ от 30.11.2012 г. № 29-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. №2.

60. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации № 8-П от 11.03.1998 г. // Российская газета. 1998. 26 марта.

61. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 31.03.2015 г. № 6-П // Российская газета. 2015. 13 апреля.

62. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации к Постановлению Конституционного Суда РФ от 28.01.1997 г. № 2-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 1.

63. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиева к Постановлению Конституционного Суда РФ от 27.03.2012 г. № 8-П // Сборник законодательства РФ. 2012. № 15. Ст. 1810.

64. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 22.03.2012 г. (жалоба №30078/06) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6.

65. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 г. № 11-П // Российская газета. 2001. 17 июля.

66. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2013 г. № 27-П // Российская газета. 2013. 18 декабря.

67. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2012 г. № 17-П // Российская газета. 2012. 20 июля.

68. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 г. № 20-П // Сборник законодательства РФ. 2013. № 43. Ст. 5622.

69. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.11.2003 г. № 16-П // Сборник законодательства РФ. 2003. № 46. Ст. 4509.

70. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.04.1995 г. № 2-П // Российская газета. 1995. 20 апреля.

71. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 г. № 21-П // Сборник законодательства РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.

72. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2005 г. № 10-П // Российская газета. 2005. 18 ноября.
73. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 г. № 11-П // Собрание законодательства РФ. 1999, № 30. Ст. 3988.
74. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 г. № 19-П // Российская газета. 1998. 30 июня.
75. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2014 г. № 18-П // Российская газета. 2014. 02 июля.
76. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 г. № 24-П // Российская газета. 2017. 09 ноября.
77. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.1997 г. № 17-П // Российская газета. 1997. 22 ноября.
78. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 г. № 3-П // Российская газета. 2003. 02 апреля.
79. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.02.1996 г. № 5-П // Собрание законодательства РФ. 1996. №9. Ст. 828.
80. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.1999 г. № 12-П // Российская газета. 1999. 10 августа.
81. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12. 2010 г. № 22-П // Российская газета. 2011. 12 января.
82. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 г. № 1-П // Российская газета. 2010. 10 февраля.
83. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 г. № 1-П // Собрание законодательства РФ. 2010. № 6. Ст. 699.
84. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.11.2001 г. № 15-П // Российская газета. 2001. 08 декабря.
85. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.04.2004 г. № 8-П // Российская газета. 2004. 28 апреля.

86. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.05.2013 г. № 11-П // Российская газета. 2013. 31 мая.
87. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.1999 г. № 18-П // Российская газета. 2000. 19 января.
88. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 г. № 1-П // Российская газета. 2001. № 9.
89. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.12.2005 г. № 14-П // Собрание законодательства РФ. 2006, № 3. Ст. 337.
90. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.11.2008 г. № 11-П // Собрание законодательства РФ. 2008. № 51. Ст. 6205.
91. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2015 г. № 6-П // Российская газета. 2015. 13 апреля.
92. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.1995 г. № 12-П // Российская газета. 1995. 09 ноября.
93. Постановление Палаты Европейского Суда по правам человека от 01.10.2009 г. (жалоба № 76836/01, 32782/03) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 4.
94. Постановление Палаты Европейского Суда по правам человека от 04.07.2013 г. (жалоба № 11157/04, 15162/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 2.
95. Постановление Палаты Европейского Суда по правам человека от 20.09.2011 г. (жалоба № 14902/04) // Российская хроника Европейского Суда. 2012. № 3.
96. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 г. (ред. от 23.06.2015) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Российская газета. 2010. 21 мая; 2015. 30 июня.

97. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.06.2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Российская газета. 2013. 05 июля.

98. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.03.2011 г. № 5 (ред. от 09.02.2012) «О практике рассмотрения судами дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 08 апреля; 2012. 17 февраля.

99. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 18.06.2014 г. № С01-421/2014 – Режим доступа: URL:<https://sudact.ru> (дата обращения: 08.04.2023).

100. Працко Г. С. Основные способы и виды толкования права // Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. Пенза, 2019. С. 169.

101. Примак Т. К. Проблемы толкования правовых норм в деятельности судебных органов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2020. № 8. С. 32.

102. Рассказов Л. П. Сходство и различие российской правовой системы и романо-германской правовой семьи // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1. С. 73.

103. Романовская Л. Р. Виды толкования права по субъектам // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 8. С. 69.

104. Ротань В. Г. Естественно-правовой и позитивистский подходы к толкованию актов законодательства // Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2020. С. 11.

105. Ругина О. А. Судебное толкование уголовного закона и его роль в законотворческой и правоприменительной деятельности: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 123-124.

106. Савельева К. В. Конституционный Суд Российской Федерации и Европейский суд по правам человека: проблема конфликтов толкования // Устойчивое развитие науки и образования. 2018. № 6. С. 130.
107. Салейль Р. Французский гражданский кодекс и исторический метод. СПб.: Сенатская Типография, 1905. С. 16.
108. Сальников М. В. Толкование права: понятие и необходимость // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 4. С. 52.
109. Смирнов А. В., Манукян А. Г. Толкование норм права: учебно-практическое пособие. М.: Проспект, 2008. С. 55-56.
110. Соболева А. К. Топическая юриспруденция. М.: Добросвет, 2002. С. 87.
111. Стеценко Ф. И. Современные подходы к классификации видов толкования норм права // Цивилист. 2006. № 2. С. 109.
112. Стрыгина С. В. Роль судебного толкования права в правовой системе РФ // Инструменты и механизмы устойчивого инновационного развития. 2022. № 1. С. 250.
113. Сухинина И. В. Презумпции в конституционном праве Российской Федерации: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 11.
114. Туманов В. А. Судебные системы западных государств. М.: Наука, 1991. С. 213.
115. Тухватуллин Т. А. Толкование положений основных законов субъектов // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. 2018. № 13. С. 256.
116. Устав Белгородской области от 24.06.2022 г. № 189 // Белгородские известия. 2022. № 51(5126).
117. Устав Санкт-Петербурга от 14.01.1998 г. // Вестник Администрации Санкт-Петербурга. 1998. № 4. Ст. 6.
118. Федеральный закон от 21.02.2014 г. № 19-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 8. Ст. 739.

119. Федеральный закон от 30.12.2012 г. №310-ФЗ «О внесении изменения в статью 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53. Ст. 7635.

120. Федеральный конституционный закон от 04.06.2014 г. № 9-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 23. Ст. 2922.

121. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 г. № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) «О Верховном Суде Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 07 февраля; 2022. 19 июля.

122. Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 16 декабря.

123. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Российская газета. 1994. 23 июля; 2021. 06 июля.

124. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Российская газета. 1994. 23 июля; 2021. 06 июля.

125. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» // Российская газета. 1997. 06 января; 2022. 19 апреля.

126. Хабриева Т. Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 11.

127. Харитонов Л. А. Социологический подход к толкованию правовых норм // Юридическая мысль. 2021. № 1. С. 197.

128. Хаткова З. М. Судебное решение как источник конституционного права Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2006. С. 11.

129. Черданцев А. Ф. Толкование советского права (теория и практика). М.: Юрид.лит, 1979. С. 29.
130. Binding K. Handbuch des Strafrechts: Systematisches. Berlin: Habel, 1871, P. 450.
131. Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. Oxford : Clarendon press, 1773. P. 61.
132. Boyd v. U.S., 116 U.S. 616 (1886) – Режим доступа: URL:<https://www.archives.gov> (дата обращения: 08.04.2023).
133. Carr R. R. The Supreme Court and Judicial Review // Springer. Wien. New York. 2013. V.1. P. 51.
134. Dred Scott v. Sanford, 60 U.S. 393 (1857) – Режим доступа: URL:<https://www.archives.gov> (дата обращения: 08.04.2023).
135. Eisenmann Ch. La justice constitutionnelle et la Haute Cour constitutionnelle d'Autriche. P. 107.
136. Gamper A. Regeln der Verfassungsinterpretation // Springer. Wien. New York. 2013. V.1. P. 15.
137. Gibbons v. Ogden, 22 U.S. 1 (1824) – Режим доступа: URL:<https://www.archives.gov> (дата обращения: 08.04.2023).
138. Kelsen H. Hauptprobleme der Staatsrechtslehre. Tuebingen: J.C.B. Mohr, 1923. P. 35.
139. Kelso R. R. Styles of Constitutional Interpretation and the Four Main Approaches to Consitutional Interpretation in American Legal History // Valparaiso University Law Review. 2019. V. 53. P. 137.
140. Larenz K. Methodenlehre der Rechtswissenschaft. Aufl.: Springer, 1995. P. 26.
141. Montesquieux Ch. Esprit des loix. Londres, 1757. P. 149.
142. Olmstead et al. v. United States, 277 U.S. 438 (1928) – Режим доступа: URL:<https://www.archives.gov> (дата обращения: 08.04.2023).
143. Planned Parenthood v. Casey. 112 S.Ct. 2791 (1992) – Режим доступа: URL:<https://www.archives.gov> (дата обращения: 08.04.2023).

144. Rechtsprechung, 1958, 7 BVerfGE 377 – Режим доступа:
URL:<https://dejure.org> (дата обращения: 08.04.2023).

145. Rechtsprechung, 1969, 26 BVerfGE 246 – Режим доступа:
URL:<https://dejure.org> (дата обращения: 08.04.2023)

146. Roellecke G. Das Paradox der Verfassungsauslegung, Schoening:
Paderborn, 2012. P. 341.

147. Sajo A. Limiting Government: an Introduction to Constitutionalism.
Budapest: CEU Press, 1999. P. 243.

148. Savigny F. K. System des heutigen roemischen Rechts. Berlin: Bei Veit und
Comp., 1840. P. 214.

149. Savigny F. K. System des heutigen roemischen Rechts. Berlin: Bei Veit und
Comp., 1840. P. 215.